

Трилогия
В одном
томе

СЕРГЕЙ ДОРОШ

Светлая сторона
Луны

Москва, 2012

СЕРГЕЙ ДОРОШ

Трилогия
в одном
тome

- Паутина плутонского Конклава •
- Смертельная длань Меджлиса •
- Отрубленные крылья Синода •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д69

Серия основана в 2005 году
Выпуск 117

Художник
И. Воронин

Дорош С. В.
Д69 Светлая сторона Луны: Паутина плутонского Конклава; Смертельная длань Меджлиса; Отрубленные крылья Синода/Послесл. К. Савельева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 729 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1094-1

Около двадцати лет прошло со смерти Хансера. Его деяния превратились в легенду, а сам он стал символом для всех плутонцев. Но сумел ли он достичь того, чего хотел? Те, кто назвал себя иллюминатами, вырвались из бесконечного круга доменовских войн, но так и не смогли порвать с прошлым. На смену соратникам Хансера идет молодое поколение просветленных. А тем временем на Плутоне вынырнул из безвестности сын Хансера.

Удастся ли ему попасть на Луну? Кем станет для доменов этот прерывающий нить, испытывающий стойкую ненависть ко всему миру высших? Почему его род считается столь важным, что самые разные силы сплелись в клубок противостояния вокруг одного-единственного человека? И захочет ли амбициозный сын Хансера стать слепой игрушкой в их руках? Второй акт драмы прерывающих нить начинается на их родной планете. Добро пожаловать на Плутон.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1094-1

© Дорош С. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Паутина плутонского
Конклава •

ПРОЛОГ

Свет и тени причудливо переплетались. В ночном небе не было Луны, ее здесь и не могло быть. Отличное время, отличное место. Она была рядом со мной, на балконе, задыхалась от поцелуев, млела от ласк, но не сдавалась. Если бы у меня была цель взять ее, я бы действовал по-другому. Но я никогда не путаю удовольствия с работой. Просто можно испортить себе и то и другое. Мои губы скользнули вниз по ее тонкой шее. Бархатистая кожа, а под ней пульсирует полноводная река силы. Кровь... она рядом, но недосыгаема. Почему я не вампир? Почему мои зубы не могут незаметно прокусить эту нежную шею, а ее саму погрузить в подобие сна?

Я отогнал эти недостойные мысли. Работа. Если за что-то берешься, то делай это со всей душой. А не можешь — не берись. Ее сердце бьется часто, кровь несется по телу быстро. Последний штрих...

Мои губы ласкали ее, а из-под языка уже появился спрятанный там тонкий шип. Месяцы тренировок нужны были, чтобы научиться скрывать его от партнерши во время поцелуев, но предел своему совершенству определяешь только ты сам.

Плоская сторона шипа словно сама прилипла к кончику языка. Короткий укол — она ничего не почувствовала, а стальное жало уже проложило себе путь до алой реки. Комариный укус. О нет, у комаров нет ядов Воинства Небесного.

Она слабела на глазах. Я прекратил свои ласки. Это уже было не нужно. В последний момент она осознала, что произошло, потянулась к своей пышной прическе. Я спокойно подошел и выдернул оттуда шпильку, вполне возможно смазанную таким же ядом, как и мой шип. Я не разговаривал с ней — к чему речи по-

койнице? Просто стоял и смотрел, как силы покидают ее. Потом перенес в комнату, на кровать. Она при жизни была хороша, нечего ей валяться на полу.

Ее смерть была только первым шагом. Второй гораздо сложнее. Конечно же мне не составило труда убить эту молоденькую дуручку, возомнившую себя Гюрзой, но оказавшуюся простой *курщей*¹. То, что я собирался проделать дальше, было со мной в первый раз. Я, конечно, досконально изучил теорию, но что она без практики?

Главное — верить. Малейшее сомнение в успехе — и все, провал. Я верил, нет, я знал: все получится. По-другому и быть не могло. Ее душа была достаточно черна. Никто за нее не заступится, значит, она моя, потому что я имею силу взять.

Я сосредоточился. Как всегда, я не смог уловить момента, когда реальность сменилась видениями. Сфера непроглядной Тьмы, она вокруг меня. Это мой щит, но она же, если надо, может стать моим мечом. В любом случае — это часть меня. Тонкое щупальце тянется к ней, вернее, к озирающемуся в недоумении призраку. Она не осознает, что с ней происходит. Призрак пытается понять — где он, почему все изменилось? И что это за мешок мяса, костей и трепухи лежит на кровати?

Я властно вторгаюсь в ее сознание. Ей незачем помнить меня. Нельзя пока оставлять следов. Следом за этим я загоняю душу обратно в тело. Это оказалось неимоверно трудно. И особенно трудно запереть ее там навсегда. Она хочет сопротивляться, но не знает как. В Мире Видений она пока чужая, и никто не даст ей времени освоиться.

Я возвращаюсь в Обычный Мир. Тело все так же безжизненно лежит на кровати. Тонкая рука свесилась до пола, голова запрокинута, на шее еле заметная капелька крови. Там вошел мой шип — незначительная вещичка, от которой умирают. Грудь не вздымает дыхание, сердце уже не стучит, а полная сил алая река стремительно превращается в зловонное болото.

Но утром она встанет. Она ничего не будет помнить, будет ходить, говорить, пытаться есть и пить. Она заметит, что еда не имеет вкуса, а питье не прогонит давящей жажды. Но это полбеда. Через день-другой это прекрасное тельце начнет разлагать-

¹ Плутонское понятие, обозначающее женщину, которая не очень опасна, но способна при определенных условиях весомо навредить. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ся... И единственное, что способно прогнать ее голод, — это плоть, выдираемая из живых людей вместе с кровью.

Я поднял свесившуюся руку, накрыл лежащую на кровати девушку одеялом. Спи, солнце мое. Ты получила не совсем то, чего хотела, но кто тебе виноват?

Теперь надо было незаметно уйти. Тени для меня закрыты, это я понял сразу. Словно бы сила, которой я только что воспользовался, удерживает меня в Обычном Мире. Странно, она же должна быть сродни Теням. Ноги подкашиваются. Похоже, я не рассчитал сил, вложил больше, чем следовало, в эту молоденькую дурочку. Но это тоже может помочь моей игре. Я теперь всего лишь простой человек хозяина этого места, перебравший лишнего. Обычное дело, никто ничего не заподозрит. Работа выполнена — теперь стоит подождать, а потом идти за наградой.

* * *

Мир несправедлив. Так стенают многие слабые. Я смеюсь над ними. Хочется задать два вопроса. Что для них справедливость? И что они сделали, чтобы ее установить? Я знаю одно — Мир глуп. Я не должен был появиться на свет, я не имел права на существование. Но я есть. Мир сотворил глупость, ничего не сделал с этим фактом. А если твоя глупость стала причиной твоих бед, вини только себя и никого кроме.

Я — Миракл. Я тот, кто был рожден для мести.

Моя мать — «познавшая таинства» из Хмельного домена. Однажды к ней пришел «бьющий один раз». Он искал знаний. Он расставил ловушку, и мать попалась. У нее не было чем откупиться. Тот, кто поймал ее, сам мог ей много рассказать. И мать выкупила свою жизнь тем единственным, что у нее было, — своим телом. Пятнадцатилетний бьющий один раз принял эту цену. Кровь бурлила в его жилах, жаждала познания того, что связывает мужчину и женщину. Я не вникал во все тонкости женского тела, но в тот момент мать не могла понести ребенка. Мало того: любая познавшая таинства легко может не допустить зачатия либо потом избавиться от плода. Но Темная сторона хороша тем, что не прощает обид. И мать ускорила что-то в своем теле. Так на свет появился я.

Бьющий один раз не бросил ее, как она думала. По-своему он окружил ее заботой. Но сам он пребывал в плену лицемерных принципов. Потому они не ужились вместе. Какой-то «сокруша-

ющий врагов» поклялся убить этого бьющего один раз, и он ушел, якобы чтобы не навлечь беды и на мою мать.

Я знаю, что сокрушающий врагов его не убил, потому что мне известно имя моего отца — Хансер, убивший семнадцать марсиан. Я — плоть от его плоти, кровь от его крови, сила от его силы. Я — дитя, рожденное для мести. Но мою месть украли.

Да, я ни разу не покидал Плутона. Но к нам приходят люди из Внешнего Мира. И с одним из них была сопливая рукопись некоего маркизика, во всей красе расписавшего падение моего отца. Луи-лицемер, так я его для себя назвал. Но если отбросить все его сопلي со слезами из-за несовершенства Мира и стенания по слабакам, не сумевшим отстоять своей жизни, там было очень много интересного.

Лжи там еще больше. И главная ложь — Хансер, убивший семнадцать марсиан. Почти что святой. Вдохновитель борцов за Свет, духовный родитель тех, кого сейчас называют демонами. Он не мог быть таким! И он таким не был, иначе я не появился бы на свет. Его убили. Луи пишет, что он сам предал себя в руки врагов, якобы он даже чего-то этим добился. Ложь! Ни один выходец с Плутона не сдастся врагам. Наверняка его лживые принципы погубили того, кто мог бы...

Нет, ничего он не мог. Еще один слабак. А в этом мире нет места для слабых. Я мог бы охотиться на его убийц, отнявших мою месть. Но и они ненадолго пережили свою жертву, как, впрочем, и та, что убила их. Мне недосуг пересказывать всю эту цепочку нелепостей. Хотите — откройте маркизову книжонку. Можете даже поплакать над судьбой этих несчастных, мне до того дела нет. Мир породил меня на Плуtone, где не должны рождаться дети. Мир не убил меня — я и моя мать не дали ему этого сделать. Но Мир отнял мою месть, отнял цель в жизни. Значит, такой Мир не имеет права на существование. И я бросаю ему вызов. Я превращу его в то, что будет мне нравиться. Иначе зачем он мне нужен?

Я — Миракл, меня зовут сыном Хансера, убившего семнадцать марсиан. И это мне противно. Я хочу быть просто Мираклом. Я не хочу, чтобы о Хансере говорили, что он отец того самого... Не знаю, что мне удастся совершить. Но я хочу, чтобы те, кто будут воспевать мои подвиги, знали, каким я был и каким стал, без прикрас. Потому начал писать этот дневник, чтобы потом какой-нибудь новый Луи не сделал этого за меня и не породил очередной лжи.

На Плутоне нет календаря, а во Внешнем Мире их слишком много, потому намерен я отражать только последовательность событий, своих мыслей, планов и, если они у меня появятся, сомнений. Те, кому нужны точные даты, пусть откроют летописи. Если в них будут отражены мои деяния — хорошо, если нет — выбросьте эту рукопись в костер, потому что записи слабака, не добившего поставленной цели, не стоят и ломаного медяка.

Часть первая

ВЕЛИКИЙ УЧЕНИК

Лицемер Луи писал в своей книжонке, что начал ее еще во время подготовки к отвоеванию своего алтаря от скуки. И в этом я ему верю. Превращение Эльзы в нежить далось мне нелегко. Конечно, будь у меня время на полноценный ритуал, все вышло бы гораздо проще. Ритуалы, заклинания, магические письма — это как рычаг. С ним легче передвинуть камень. Я был вынужден действовать голыми руками, грубой силой. Мать говорит, это не каждому по плечу.

Вот и еще одна мысль для тех, кто считает Мир несправедливым: если тебе не дали великой силы, ты можешь компенсировать ее знанием. Если же у тебя нет силы воли зубрить древние формулы, то можешь и дальше скулить над своей судьбой. Ты — не человек. На Плутоне мы называем таких чиэр. Оболочка, не несущая в себе ничего. Хуже зверя. Существование чиэр подчинено только ублажению плоти. Удовлетворение четырех самых низменных потребностей. Настоящий дайх поймет, о чем я говорю. А как все поймут чиэр, меня не интересует.

Кто такой дайх? Слышали о темном обычае — праве дайх-ша. Это право истинных людей решать за чиэр, которые идут за ним. Дайх — это тот, кто не смотрит в землю, кто не устает делать себя совершеннее и совершеннее во всем, к чему он способен. И уж собственная жизнь для него всегда идет по самой низкой цене.

Хансер был дайх, Луи — тоже дайх, моя мать дайх, потому что она сумела пожертвовать многим ради священного права мести. А вот Эльза — чиэр. Ее жизнь была подчинена поиску удовольствий. Именно потому охоту на нее я назвал работой. Подобраться к ней было слишком просто. Позавчера я вступил в банду ее отца, вчера впервые встретился с ней, а сегодня работа уже выполнена. Дайх всегда поймет, на какие точки надо нажать, чтобы чиэр плясал под его дудку. Только противник-дайх имеет настоящую цену. Тогда это будет борьба равных. Только победа над дайх преумножает твою славу и делает тебя сильнее.

Я над своей жизнью никогда не трясся. Все умрут раньше или позже. Стоит ли унижаться из-за нескольких веков, лет или дней

отсрочки? Мой отец слишком высоко взлетел, потому что знал: то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Я миновал Паучатник. Я родился на широких просторах Плутона, в местах, покрытых густыми чащобами непролазных лесов. Единственный город был не так далеко. Он никак не назывался, просто Город. Ни с чем не спутаешь. Моя мать оказалась слаба против планеты убийц. И она нашла себе защитника. Ансельм, «не знающий преград» с Темной стороны. Как он попал сюда, мы не знали. И он этой теме не любил, хоть мать сразу рассказала ему, что сама она была взята в плен викингами Северного домена и отдана в уплату за очередного бьющего один раз.

Гораздо позже я пришел к выводу, что Ансельма отдали сюда свои, потому он никогда не говорил, из какого он домена. С четырех лет под его руководством я постигал Тени. Мать умно поступила, выбрав в защитники именно его. Никто не нападет на меркурианца без особой нужды. А если и устроит охоту, то больше ради знаний.

Меня Ансельм не любил. Это и понятно. У них с матерью было два амулета, а значит, и пищу они получали на двоих. Я для не знающего преград был всего лишь нахлебником, да к тому же еще и тем, кого ему приходилось обучать, тратя на это все свободное время. Но он хотел быть с моей матерью.

Тогда же я получил первые уроки манипулирования. Ансельм был чиэр, моя мать могла добиться от него всего, чего хотела. Она, словно паучиха, запутывала не знающего преград в свои сети. Желание отомстить жгло ее, придавало сил совершить невозможное. В конце концов Ансельм открыл мне сокровенное — тайну меркурианской свободы в Тенях. После этого он был уже нам не нужен. В десять лет я взял свою первую жизнь. Для Плутона это слишком поздно. Мать не была уверена, что получится. Ансельм мог развоплотиться. А я верил, что по-другому просто не может быть. И человек, который был мне вместо отца, сколько я себя помню, умер...

На его же теле я прошел другое испытание — на умение поднимать мертвых. Не так, как я сделал с Эльзой. Этот ходячий труп действовал, пока его вела моя воля. Душа безвозвратно отлетела. Это было трудно для десятилетнего пацана, но это меня не убило.

Теперь я стал защитником своей матери. Она обучала меня премудростям Юпитера. Пока был жив Ансельм — тайком, после его смерти — в открытую. У нас теперь имелось два амулета и целая планета, через войну с которой я должен пройти.

Вошла мать. Ее приход оторвал меня от первых записей в моем дневнике. Сейчас мы перебрались поближе к Городу. Когда-то какой-то низший поселился здесь, построил дом. Его не трогали — он выращивал странную вещь под названием хлеб. Я не знаю, что это такое. Мать пыталась объяснить, как и из чего его готовят. По рассказам получалось — это гадость редкая. Но скорее всего, я не так понял, потому что этого низшего охраняли сразу три банды за то, что он отдавал половину своего хлеба их главарям. Но гораздо больше осталось тех, с кем он не делился, так что однажды его убили.

А дом остался — хорошее приземистое жилище. Крыша если и протекает, то, по крайней мере, не везде. Большой подвал, где раньше этот хлеб хранился, да еще и с подземным ходом. Прежнего хозяина это не спасло, но я — не он. Мы поселились в этом доме.

Мать ходила к *кормушке*¹, вернулась с обычным набором: солонина, кое-какие овощи, сушеные фрукты, рыба. Также в него входили непонятные сушеные травки и порошки, непохожие на специи, известные моей матери. Их мы просто выбрасывали. Словом, рацион рассчитан так, чтобы с голоду не передохли. К счастью, на Плутоне хватало дичи для охоты. Только здесь даже у оленей были клыки, как у хищников. И агрессивность у всех зверей не уступила бы людской. Даже охота — бой за выживание. А мясо жесткое и противное, но хоть какая-то еда.

И еще небольшая подлость: еду *кормушка* давала по амулетам, сразу недельный запас, но ее общее количество было равно не числу амулетов, а числу живых людей, владеющих ими. Так что какой-нибудь бьющий один раз, собравший пяток амулетов, мог получить пятикратное количество, а те, кто приходили последними, остаться без еды.

Я уже молчу о том, что само по себе посещение *кормушки* являлось делом опасным. Какой-нибудь изголодавшийся чиэр сунет нож в спину — и подохнешь, как собака, за кусок мяса. Врагу такой судьбы не пожелаю. Разбросаны *кормушки* были по Городу и в его окрестностях кольцом, внешний край которого проходил через Паучатник. Разный народ жил там. Ближе к Городу — одиночки в потайных схронах, подобных моему, достаточно сильные,

¹ Специальное место, где по амулетам живущие на Плутоне получают пищевой рацион. Выглядит как столб с щелью для амулета и нишей, в которой появляется провизия.

чтобы позаботиться о себе. Дальше — сформировался ряд диких племен.

— Сильно вымотался? — спросила мать.

Она не спрашивала, справился ли я с работой. Раз я здесь и живой, значит, все получилось.

— Это труднее, чем я думал.

— Может, ты неверно оценил ее? — предположила мать. — Сильные духом могут сопротивляться долго и отчаянно. Новичку такого сложно победить.

— Нет. Она была слаба. Это я неопытен. В следующий раз пойдет гораздо легче.

— Это никогда не бывает легко. Привычно, обыденно — да, но не легко.

— Если ты не принадлежишь к Некромантскому домену, — заметил я.

— У них есть какая-то тайна, — согласилась мать. — Они действительно могут поднять тысячи и тысячи, а мой предел — два десятка марионеток. Как ушел? Чисто? — сменила она тему.

— Не волнуйся, никто меня не заподозрит. Под конец я устроил им веселье.

— Ты же собирался не поднимать шума, — нахмурилась она.

— Планы изменились. По-моему, кто-то видел меня с этой Эльзой.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. Я нашел парня моего сложения, оглушил, напялил на него мои шмотки и устроил ему огненную смерть. Лицо обгорело, но одежду опознать можно.

— Думаешь, ты провел их?

— Не знаю, увидим. То, до чего додумался я, может прийти в голову и кому-нибудь другому, — перевернулся я на бок. Тело болело, руки и ноги были как не мои. Я был выжат досуха. Огненное заклинание отобрало последние силы. Мать неодобрительно покачала головой:

— Ты мог бы и домой не доползти. Я уже не спрашиваю, путал ли ты следы. Ясно, что нет. Ты не с Юпитера и тем более не с Сатурна, игры с чарами для тебя слишком сложны, тем более с боевыми.

— Все прошло нормально, — нервно отмахнулся я. В последнее время этот нравоучительный тон начал меня раздражать.

На душе все-таки было гаденько от того, что я сделал. Но нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Цель оправдывает средства. А это еще один шаг к моей цели — к новому Миру, кото-

рый будет лучше старого. Ради этого можно пожертвовать жизнью и душой какой-то чиэр.

— Придется менять убежище, — продолжала ворчать мать.

— Оставь меня в покое, — раздраженно бросил я. — Устал как собака, а тут еще и ты со своим ворчанием.

Убежище, тоже мне важность. Даже если исполнение моего плана затянется, за Городом у меня на примете была нора. Правда, сейчас она занята. Там жила одна *курица*. Весьма симпатичная особа. Я познакомился с ней возле *кормушки*. Сперва дело чуть не дошло до ножей. Впрочем, на Плутоне это нормально. Место отличное, туда приходят с амулетами, а значит, можно отобрать не только провизию, а и сам амулет. А потом я решил отработать на ней приемы обольщения. *Курица* оказалась с норовом. Она прошла через Паучатник, а значит, хорошо умела пускать кровь. И все же мне удалось ее укротить.

Конечно, я не какой-то там чиэр, готовый забыть все при виде женских округлостей. В свое время напробовался этих деликатесов. Мать словно бы поощряла все мои постельные похождения, чтобы перебесился в юности и потом женщины не имели надо мной власти. Привлекла она меня другим. Хотелось узнать больше о Паучатнике, понять тех, кто через него прошел. Понадобилась всего лишь неделя, чтобы я очутился не просто в ее логове, а в постели. Признаться, оказалась эта *курица* весьма неопытной, но довольно пылкой. Жила не одна. Под ее защитой обитал «сотрясающий Вселенную». Молоденький, неопытный. Она не сочла нужным даже убить его, прежде чем забрать амулет.

Сперва это навело меня на мысль, что она — *сука*¹. Но оказалось, не так. Сотрясающий был единственным мужчиной в ее окружении. Свой кусок мяса зарабатывал тем, что зачаровывал одежду. Да-да, делал из нее ту самую, которая сама зарацивает дыры и выводит грязь. За одни штаны или рубаху можно было запросить недельный запас провизии, а то и больше. Меня же она рассматривала лишь как возможного союзника, прекрасно понимая, что подчинить не удастся. Впрочем, для женщины оказалась весьма умна. Жаль, я так и не выяснил, как ее зовут. А впрочем, какая разница? Женщина — и все тут, *курица*. Остальное не имеет значения.

¹ Плутонское понятие, обозначающее женщину, которая собрала вокруг себя банду из мужчин, держа их в повиновении не только силой, но и правильно выбирая любовников. Из-за умело разогреваемого соперничества мужчины не могут выделить из своей среды достойного занять главенствующее положение.

Жаль, но, чтобы занять ее жилище, хозяйку и ее спутника придется убить. Хотя... и здесь жалеть не о чем. В постели она — так себе. К тому же плутонская «любовь» с рукой на рукояти ножа оставляла какое-то чувство неудовлетворенности. Ни о каком доверии и речи не шло. Переспали — разбежались, слава Тьме, живы остались.

* * *

Расчет мой был прост. Отец Эльзы Герхард — главарь одной из городских банд. К тому времени у нас с матерью набралось уже по десятку амулетов. Их наличие служило пропуском в Город. У некоторых банд были проходы в катакомбы, к наставникам — высшим других школ, которые платили своими знаниями за пищу и постоянную защиту. Мне не хватало подготовки сокрушающего врагов. После походов моего папочки высшие стали проще относиться к запрету на обучение плутонцев вершинам своего мастерства. Нет, заставить их поделиться секретами совсем нелегко, но мать хорошо научила меня быть убедительным.

Отец Эльзы был опасным противником. Его сломал мой отец. Банда Герхарда участвовала в плутонской охоте на Хансера, и ее вожак стал первым, кто отказался от этой затеи. Еще бы, он не без оснований полагал, что станет шестой жертвой моего отца.

А главной его слабостью была его семья. Жена и три дочери. Младшая, Эльза, уже не в счет. Так или иначе, когда его любимая малышка начнет бросаться на людей и пожирать их еще живую плоть, папаша запаникует. И тут появимся мы с матерью, упокоим нежить, а в качестве платы возьмем право прохода в катакомбы к наставникам.

Плутон. Увы, эта планета слишком однобока. Иначе мой план не удался бы. Внешность моя слишком заметна. Судя по описанию отца у Луи, я похож на него. Все — и форма лица, и цвет глаз, и нос с горбинкой, кстати сказать, природной, а не как следствие переломов. Вот только не хотел я походить на него. Бледная, как у матери, кожа, конечно, отличала нас. Так же, как и он, я никогда не носил ни бороды, ни усов, а вот волосы на голове извел очень давно — как только освоил первые уроки моей матери. На затылке у меня красовалась татуировка в виде светлого шестикрылого херувима... с черными кожистыми крыльями и глазами — провалами мрака.

Сами понимаете, внешность заметная. Пришлось скрыть ее под камуфляжем с добавкой магических иллюзий. И никто не до-

гадался сотворить заклинания истинного зрения. Может, потому, что был этот мой ход слишком простым и наглым.

Правда, даже если меня раскроют, оставался запасной вариант. Я пригрожу Герхарду, что подобная участь постигнет всех его дочерей. Сомневаюсь, что он сможет отнестись к моим словам трезво: страх за детей помешает.

Но это потом, потом. Спешка — последнее дело. Она заставляет ошибаться.

Мать растопила печь. Простенькое заклинание на трубе делало дым невидимым. На стенах заплясали причудливые тени. Простой домик, сложенный из дикого камня. Жилище без всяких украшений. Построившему его низшему приходилось трудиться в поле не покладая рук — здесь не до облагораживания дома. Четыре стены да крыша есть — и то хорошо. Я поморщился. Жизнь земляного червя. К чему она была прожита? Вечно все идет по кругу. И ведь этот чиэр, наверно, за нее цеплялся до последнего. Жалкое ничтожество ценит свое убогое существование больше, чем любой дайх свою жизнь. А ведь я слышал, что уже примерно полгода назад группа плутонцев с другой стороны Города распыхала солидный кусок земли. Мать видела этих горе-пахарей. Как тягловый скот они использовали кастрированных быков. Это сильные и яростные твари, но, если взять их живьем, оглушить и лишить «самого главного», становятся вялыми и послушными. Мясо у них, конечно, дрянь, даже по нашим меркам, а вот по силе с ними никто не сравнится.

Что такое с Тенями? Они словно живут собственной жизнью, не завися от породившего их огня. Странно, никогда раньше такого не замечал. Словно дикие звери притаились по углам, выжидают, наблюдают, скалят клыки, но пока не нападают, остерегаются. Что это? Я же знаю их лучше, чем этот мир. Нет, восторгов Луи не разделяю, но по-своему люблю ту легкость, которую они дарят.

Где-то далеко прогремел гром. Усталое тело требовало сна, но я не мог заснуть, хоть и хотел. Обжитой схрон вдруг превратился в чужое жилище, где я — случайный гость, причем нежеланный. Потолок словно бы стал ниже, стены надвинулись, как будто пытаясь меня раздавить. Я балансировал на грани Мира Видений, боясь провалиться в него. БОЯСЬ?!! Это же мой мир! У меня же редкий дар — быть в нем своим. Так почему я боюсь?

Это из-за того, что сегодня впервые я манипулировал чужой душой. Сотворил противоестественное... Нет! Если бы любому из трех известных мне Миров это было чуждо, они просто не дали

бы мне этого сделать. Или сегодня я переломил их? Я, слабый человек, заставил их допустить то, что им не нравилось. Значит, возможно и большее! Значит, моя цель достижима. Я смогу...

...Тьма окружает меня. Привычная защитная сфера. Но все инстинкты буквально орут об опасности. Плохо отточенные, слепые и глухие, они все же что-то учуяли, они не хотят... умирать? Погибнуть вместе с моим телом?

...Размытая тень. Тело в черных одеждах, вытянувшееся в прыжке, удар ладонью в грудь.

...Рука проходит сквозь Тьму. Там, где она соприкасается с моей защитной сферой, вспухает пожар боли.

...Два горящих глаза. Я тянусь к оружию, пытаюсь вскочить на ноги. Мечи рассыпаются в прах от одного прикосновения лучей Света из бездны глаз. Боли нет...

...Есть что-то другое — то, что болью именоваться не имеет права, потому что оно больше ее, как тигр больше котенка. Боль ранит тело, а ЭТО — все, что составляет меня, все, что в совокупности носит имя Миракл.

Я проснулся рывком. Холодный пот заливал глаза. Сквозь узкие щели окон пробивались лучи солнца. Рассвет. Никогда не думал, что буду ему рад настолько. Я все же забылся сном, оказывается. И не просто забылся. Я был на границе иллюзий, творимых уставшим человеческим мозгом, и Мира Видений. И он вернулся. Только раньше каждый раз он просто стоял и сверлил меня пламенеющим взором, а сегодня... Что это?

Мир Видений населен странными существами. Иногда они любопытны, иногда злобны, иногда хотят помочь, но никто и никогда не нападает. А если бы и хотели — что они могут сделать? Я — существо Материального Мира. Мой дух неразрывно связан с телом. Но раньше защитная сфера всех отпугивала...

Матери не было. Рядом с моей лежанкой из старых шкур стояла миска с похлебкой, еще теплой. Мать всегда тонко чувствует время, через которое я проснусь. Значит, ушла она недавно. Значит, странный бой занял не так много времени, как мне показалось, иначе мать почувствовала бы и разбудила меня.

Мечи висели на стене надо мной. В одном странное существо, напавшее на меня, было право: их давно пора менять на нечто более подходящее. Хлам из плохой стали — я уже пару лет как перерос его. Только найти хорошего кузнеца непросто. Большинство из них контролируется какой-нибудь бандой. И стоят их услуги не менее пяти амулетов, не считая тех, что затребует сама банда. Наверно, пора достать то, что я не трогал все эти годы...

После смерти Ансельма Мир, видимо, что-то заподозрил и нанес пробный удар. Точно помню, что пришел он с севера. Таких людей я еще не видел. Капюшон зеленого плаща и полумаска скрывали лицо. Были видны только глаза, и я сразу понял: передо мной не чиэр. Я уже неплохо обращался с клинками, топорами, копьями, но с его оружием я бы не управился. Тогда я еще не знал ни о друидах, ни об их серпах-мечах.

Готов был бежать, но чувствовал — от этого не скроешься. В нем была сила и вера. Нет, правильнее — вера и сила, потому что первое давало ему второе. Уж я-то, сын и ученик познавшей тайнства, понимал, до каких высот вера может тебя вознести. Только этот друид верил в кого-то высшего, мудрого, великого, которому он служил, а я — только в себя, потому был свободен.

Он пришел за мной, это я тоже понял сразу по цепкому взгляду неестественных листовенно-зеленых глаз. Они словно бы оцупали меня, залезли в душу и наткнулись на мою сферу Тьмы. Тогда я только научился воздвигать ее. И мать, почувствовавшая это, научила меня маскировать ее. Были на свете люди, глядящие глазами души. Без сферы я был бы для них открытой книгой. Точно так же обычные чиэр не могут сейчас ничего утаить от меня. А есть и такие, для которых скрывающийся за щитами Тьмы — враг. К счастью, большинство дайх в этом мире далеки от противоборства извечных противников. Они не отрицают, что Тьма и Свет воюют между собой, но считают это не своим делом. У них тоже есть защита, но она гораздо слабее.

Тогда мне была доступна маскировка только под их щиты. Однако для друида этого хватило. И его серп-меч не покинул ножен. Да, он действительно искал меня. Как истинный дайх, он предпочел ползанию по земле самоубийственный рывок за чем-то большим с очень мизерным шансом на успех. И, как истинный дайх, он своего добился.

Он был вторым человеком, от которого я услышал имя своего отца. Круг друидов и демоны искали ребенка Хансера. Кто-то — на Земле, лелея слабую надежду на успех, кто-то — в Зеленом домене, тоже без особых шансов, но с гораздо большей опасностью для себя. А Гаэлтан предположил, что кто-то мог остаться на Плутоне.

Он сам предался в руки (какая ирония!) все тем же викингам из Северного, и те отдали его в уплату Конклаву. Я не знаю, как он надеялся вернуться назад. Может быть, собирался вступить в

состязание за доменовский заказ в замке Конклава. В конце концов, представителям других школ это не запрещено, просто шансов у них нет.

Да, аколит Гаэлтан нашел меня. Он почувствовал во мне силу, но не уловил ее цвета. Он был слишком самоуверен. И в какой-то мере оправданно. Он же стал самым ценным моим учителем. И мать здесь оказалась ни при чем. О, она, казалось, может соблазнить даже монаха. Любой мужчина сначала капитулировал перед ее обаянием, а потом, глядишь, уже барахтался в ее сетях. Гаэлтан оказался крепче монаха. У него была цель, все остальное либо помогало ее достижению, либо мешало. Мать мешала.

Друид чувствовал, кто она такая, не внешне, в душе. Она была из тех, кто не склонит своей головы перед высшими силами, не подставит шеи под чужое ярмо. Удивительно ли, что и в своем ребенке она хотела воспитать ту же свободу? Гаэлтан же мог только служить. Он шел за чужими идеями. Наихудшее зрелище — раб-дайх.

Но не его убеждения были мне нужны, а его знания. И он начал мне их давать скупой рукой. Так я познал суровую школу друидского обучения. И она мне понравилась. Жесткость без жестокости, наказания без злости и поощрения без излишеств. Чем-то это было похоже на Плутон и в то же время совсем другое. Друиды умели закалить характер. Их приемы боя были не такими, как у высших. И благодаря им умный аколит мог победить в поединке глупого сокрушающего врагов. Я это видел, чувствовал и постигал с жадностью, впитывая науку как губка.

Магия Гармонии мне не понравилась поначалу. Слишком много оговорок, слишком сложна. Тогда я не любил сложных загадок. Вкус к ним мне тоже привил Гаэлтан. И я увидел истинную силу друидских чар. Познавший гармонию может практически все. Он чувствует, какой камешек нужно столкнуть, чтобы на его врага обрушилась порожденная им лавина. Но увидеть и постигнуть — не одно и то же. Тогда я впервые испугался. Не врагов, вооруженных смертоносными клинками и неодолимой магией, не неизвестности, таящейся в темных углах. Я испугался Гармонии.

Она влияла на сознание, исподволь, с неумолимостью времени, она пыталась изменить меня, потушить огонь ярости, пылавший в душе. Но кто я был без этого огня? Чиэр? Нет, хуже. Потому что любой чиэр лучше, чем дайх, сложивший оружие, позволивший кому бы то ни было взять над собой верх.

Друид. По-своему я даже привязался к нему. Он нравился

мне. Наверно, мне не хватало отца, которого так и не смог заменить Ансельм. Гаэлтан не открывал мне многого, в том числе и тайны звериного перевоплощения. Чего-то ждал. А мне становилось все страшнее, потому что я стал понимать его и, что еще хуже, где-то в глубине души принимать его побуждения.

И однажды я почувствовал, что подошел к последней грани. Что завтра я проснусь, и это буду уже не я. Что утром я ступлю на ту же тропу, что привела моего отца к бесславному концу, но для меня подобный исход уже не будет казаться бесславным — наоборот, единственно возможным в подобных обстоятельствах...

* * *

Серп-меч был там же, где я его спрятал. Под лежанкой одна из досок пола вынималась. Перед тем как залезть в свой тайник, я обезвредил все ловушки. Только я знал, в каком месте надо поддеть доску кинжалом, чтобы он не соскользнул и рука не напоролась на еле заметный шип, смазанный ядом. Только я знал, как вынуть из тайника иглы, покрытые тем же ядом, и не поранить себя. Только я знал, как развернуть мешковину, скрывающую клинок, и не уколоться натканными в нее шипами.

Изогнутое лезвие, покрытое серебром. Меч был тонок, но очень прочен. Я готов был поспорить, что он превосходит большинство из изделий доменовских мастеров. Ширина лезвия у рукояти — пальца четыре, а после изгиба к острию оно сужается завораживающе плавно. Я, наверно, был единственным плутонцем, умеющим обращаться с подобным оружием... хотя нет, не единственным, но сейчас это не так важно. Серебро блестело в солнечных лучах. Наследие Гаэлтана. С этим клинком можно выйти против любого меняющего форму и против нежити, а может быть, и против неупокоенного духа.

Я встал, попробовал взмахнуть мечом, пошатнулся и чуть не упал. Да, не рассчитал я сил с этой маленькой дурочкой. Еле дошел до лежанки. Два шага — но как они тяжелы! Хотелось упасть и ползти, но я не покорился слабости. Это не самое сложное испытание. Сегодня будет только хуже — я понимал. Силы продолжали истекать. Словно я своими действиями нанес себе рану. Только ее нельзя перевязать. Можно лишь ждать, пока затянется, и терять силы, терять.

Два комара влетели в мое убежище. Жужжащие надоеды. Мать рассказывала о комарах других планет. Они отличаются от плутонских. Наши раз в пять больше, а их укусы несет в себе

страшный яд. Одно-два насекомых — еще не проблема. Но зачастую это — разведчики. За ними прилетит вся стая. Впрочем, как и от всех тварей на этой жестокой планете, от комаров была своя польза. Если тебя укусит один, ты будешь долго болеть, но следующий укус обойдется легче. Так наши тела приучаются к яду. Некоторые, обретя устойчивость к ним, отдаются на растерзание целым стаям. Со временем сама их кровь превращается в страшнейшую отраву, в оружие, которое все время при тебе. Но по мне, это извращение.

Я безжалостно прихлопнул обоих летунов. Пусть мне они уже безопасны, но воевать со стаями не хотелось. Завести, что ли, какую-нибудь птичку. Ту же ласточку. И в бою она лишней не будет. Внешние края ее крыльев остры как бритва. Опытного бойца убить — не убьет, а внимание отвлечь может.

Снаружи странный шум. словно тихий шелест. И какой-то стон. Не одного человека. Пусть тело повиновалось слабо, но чувства оставались живы. Снаружи не меньше шести... кого? Я принюхался. Тянуло тухлятиной. Мать подняла живых трупов охранять меня? Да, так оно и есть. Стражники из них хреновые, честно сказать. Это не легендарные мертвецы Некромантского домена. Медлительные, неповоротливые. Правда, чтобы остановить их, надо изрубить на куски. Да и чары на них действуют хуже. Но свалить их без лишнего шума нельзя. Они задержат напавших, буде такие заявятся, и дадут мне время на подготовку. Конечно, тратить силы на поднятие полноценных зомби мать не могла.

Я лежал, глядя в потолок. Наверно, следовало бы поспать, но я опасался новой встречи со старым знакомым. Там, где его ладонь коснулась моей груди, пульсирует болью синяк практически черного цвета, как от удара дубиной. Нет, я слишком слаб, чтобы противостоять ему, этой твари, сотканной из Тьмы и Света... Нет, только из Света. Тьма в нем, конечно, есть, она есть во всех, но над ним она почти не имеет власти.

Кто ты, противостоящий мне? Почему ты способен на то, что прочим недоступно? Почему моя защита — ничто для тебя? И если ты так силен, почему я все еще жив? Значит, моя жизнь и смерть — не в твоей власти. А синяки и раны — это всего лишь боль плоти, то есть ничто. Значит, мой страх перед тобой не имеет права на существование. Сейчас я усну, а ты, если хочешь, приходи. Потешь свое бессилие. То, что нас не убивает, делает сильнее, а ты меня убить не можешь.

С этими мыслями я и заснул.

Пробуждение было внезапным. Вроде бы только что закрыл глаза, краткий сон без сновидений — и острая игла, медленно входящая в затылок. Опасность. Нет, это не марсианское Предвидение. Обычные чувства. Я что-то услышал, и мозг, натренированный отсеивать обычные звуки от враждебных, дал сигнал измученному телу. Что же, что меня разбудило? Звуки снаружи изменились. Я потянулся к Теням. Нет, по-прежнему не хотят мне подчиняться. Можно, конечно, заставить, но нет ни сил, ни желания.

Три еле слышных тупых удара, как ножи, входящие в дерево... или мертвую плоть... Шаги зомби сбиваются с ритма, они словно поменяли направление движения. Звук падения тела. Ого, кто-то свалил зомби, и без шума почти. Умелец. От другого грохоту было бы столько, что и в Городе все услышали.

Тени, проклятые предательские Тени. Неужели вы обладаете собственной волей? А если так, неужели вы думаете, что вы — единственное, что у меня есть? Стихии-то никуда не делись, и им все равно кому служить. Простенький трюк с воздухом — я часто использовал его, чтобы заглянуть за угол. И сил у меня вполне на него хватит. Воздух сгущается перед моим лицом, образуя что-то вроде круглого зеркала, но я в нем вижу не себя, а то, что творится за окном.

Два неподвижных тела, все верно. Я не говорю «мертвых тела», потому как те четверо, которые двигались, были не живые двоих, которые лежали. Мать вдохнула в них лишь видимость жизни. Четверо целеустремленно шли куда-то, медленно, преодолевая оцепенение смерти. Я чуть не пропустил момента появления у них за спиной человека в черном. Он вынырнул из Теней и метнул три кинжала. Один вошел в основание шеи ходячего мертвеца, второй — под левую лопатку, третий — в позвоночник чуть выше пояса. Еще один из моих охранников обмяк. Человек метнулся к нему, подхватил и плавно опустил на землю, почти бесшумно. При этом он успел забрать свои кинжалы. Трое оставшихся мертвецов повернулись к нему, и в этот момент он быстро юркнул в Тени.

Я рассеял заклинание. Все было и так ясно. Мать подняла мертвецов, вливая в них часть своей силы словно бы по невидимым каналам. Три канала для каждого, у нас это называют «зомби с опорой на три точки». Незванный гость своими кинжалами перерубал эти каналы. Ясно, что кинжалы непростые — на лезвия

явно нанесены магические руны, — да и ковались они с применением специальных ритуалов.

Но понял я и другое: пришедший был мастером, он чувствовал, куда и чем надо ударить, чтобы избавиться от ходячего мертвеца. Но такие умения достигаются путем долгой работы над собой, а значит, оттачивая одни способности, он пренебрегал другими. Наверняка, будь я в полной силе, справиться с ним не составило бы труда. В его движениях не чувствовалось той грации и четкости, которая отличает бойца. Проблема в том, что и из меня сейчас боец никакой.

Не отвлекаясь от своих мыслей, я отметил звуки, говорившие, что еще двумя стражниками стало меньше. Попытался расслабить тело. Дергаться смысла не было. Не столь это желанный гость, чтобы встречать его на пороге. Впрочем, и препятствовать ему войти — смысла нет. А он молоденький, пятнадцать-шестнадцать лет, судя по фигуре. Либо — девчонка. Впрочем, это не принципиально. Последние три глухих удара. Мать, конечно, чувствует, что здесь происходит, только толку с этого немного. Не успеет она, принимать гостя придется самому.

Все-таки какой-никакой опыт у него был, у этого странного убийцы, хорошо натренированного против мертвых, но плоховато — против живых. Он не сунулся в дверь дуrom, впрочем, ни один уважающий себя плутонец так не сделает. Как-никак даже пятнадцать лет — возраст солидный. И через Тени он не пошел. Видимо, знал, с кем имеет дело, знал, что в Тенях я его в бараний рог скручу. Не знал только, что они меня сейчас отвергают, — впрочем, репутация — тоже оружие. Он выскочил из Теней где-то над верхним краем дверного проема, нырнул внутрь ногами вперед, собираясь приземлиться на корточки и тут же уйти в перекат. Я чуть не опоздал, и это «чуть» было гранью между жизнью и смертью, гранью толщиной в волосинку. Я ударил пяткой по краю лежанки, вкладывая в этот удар гораздо больше сил, чем требовалось...

Ну те, кто читал книжонку маркизика Луи, помнят ловушку, расставленную Гюрзой для Хансера. Там, конечно, без преувеличений не обошлось. Луи наверняка не знал о самовмуровывающихся ловушках, описал все как мог. Ну и конечно же отнес эти произведения искусства на счет сотрясающих Вселенную с Луны. Ничего подобного. На самом деле плутонцы — они разными бывают. Образ убийц — самый популярный. Но и испытания в замке Конклава рассчитаны именно на таких ребят, ведь в домах они — самые востребованные. На самом деле у нас хватает

людей с различными талантами. Есть очень близкие к марсианам, зато напрочь лишённые прочих умений (*рубаки*, как их зовут на Плутоне). Есть великолепно постигшие всевозможные ритуалы, мы их зовём *шаманами*. А есть практикующие магию — куцую, обрезанную, слабую, но магию — *колдуны*. Всех их объединяет немногое: умение уходить в Тени, «инстинкт убийцы», а также то, что все их умения все равно ориентированы на убийство. Так вот, самовмуровывающиеся ловушки — детище *колдунов*, а отнюдь не доменовских сотрясающих Вселенную.

Эти ловушки невозможно заметить, пока они не сработают. А уж принципы, по которым они работают... Нет, как сильно Вселенную ни тряси, а мозги у доменовцев не так устроены, чтобы понять и воссоздать даже самую простую из них...

...И стена надо мной выплюнула арбалетный болт. Я — не *колдун*, понятия не имею, откуда он там берётся, знаю лишь, что следующий появится только через неделю, сам собой. Конечно, уж в собственном доме я ловушку пристрелял, не пожалел времени. Вот только слабость дала себя знать. Промазал. Вместо груди болт вошел в живот несостоявшегося убийцы, прервал его прыжок на середине, отбросил обратно в дверной проем. Враг попытался встать — и не смог. Нижняя половина тела не шевелилась. Стальной болт словно сломал его пополам.

А может, оно и к лучшему. Серп-меч все еще лежал рядом. Я рывком сбросил себя с лежанки и пополз к несостоявшемуся убийце, волоча за собой друидский клинок. Всего несколько шагов — вечность боли и слабости. Меч — неподъемная тяжесть. Он пытался нащупать свои метательные кинжалы, но боль уже ввинчивалась в его тело, рвала хрупкую плоть своими кривыми когтями. Рывком я перебросил меч на его горло. На какой-то миг он вздохнул с облегчением — изгиб серпа-меча пришелся точно на еще по-мальчишески худую шею. Лезвие, спорящее остротой с любой бритвой, замерло на волосок от плоти. А потом я потянул клинок на себя. Он вошел в тело ровно настолько, чтобы перерезать сонную артерию. Какое-то время плоть сопротивлялась неизбежному. Этого времени мне хватило подползти еще ближе, приподняться над ним. Фонтанчик крови ударил мне в лицо. Я поймал его губами.

Не соленая красная жидкость, но сила, сила покидала его тело, и я пил эту силу, пил так жадно, как не мог бы пить воду путник, заблудившийся в пустыне и на третий день скитаний нашедший вождеденный родник. Он умирал — я оживал. Это было то, чего мне не хватало. Да, есть ритуалы, позволявшие превратить кровь

в чистый напиток силы, но сейчас я вполне обходился и без них. В желудке словно бы разлилось озеро пламени, оно жгло больше, чем огненное заклинание. Но это уже ерунда. Мой несостоявшийся убийца окончательно обмяк. Жизнь в нем уже еле теплилась, и я оторвался от иссякающего алого родника. Нельзя пить кровь после смерти жертвы — это вам любой скажет, даже самый занюханный чиэр в глухих дебрях плутонских джунглей.

Не в силах сопротивляться боли, мои руки подогнулись, я упал на остывающее тело. Надо потерпеть, совсем чуть-чуть потерпеть. Я знал, как это бывает: рассудок повис на грани. Огонь в желудке, почуяв, что сопротивления больше нет, хлынул бурными потоками по всему телу, искорками достиг мозга. Потом, через века, уместившиеся в три удара сердца, мое тело взорвалось. Меня размазало по всей лачуге — по крайней мере, так казалось. И тут же разрозненные кусочки стали собираться в то существо, которое все называли Мираклом. Но в моей сущности уже не было той раны, через которую утекали силы. Живот свели мучительные спазмы. Меня вырвало кровью прямо на труп, только теперь эта кровь стала почти черной. Мертвая кровь — я вытянул из нее все силы души моего так и не состоявшегося убийцы.

Да, ритуал позволил бы избежать боли, всех побочных эффектов, но мы — плутонцы, мы знаем: чтобы выжить, все методы хороши, а то, что нас не убивает... впрочем, это я уже говорил. Память чужой души бродила по мне. Ко мне вдруг пришло ясное и четкое осознание, что неправильно я делал, метая кинжалы. Я знал рецепты зелий и те обряды, которые надо провести над ними, чтобы смазанное ими оружие стало опасным для разных видов поднятых из могил существ. Я знал, как каждое из них действует в бою, как разбить стаю зомби, отделяя и упокоивая их по одному. Я знал, какими словами, жестами и усилиями воли оборвать нити, скрепляющие воедино кости ходячего скелета. Я знал, чем и какие узоры нанести на тело, чтобы стать невидимым для вампира. Я знал, как вести себя в бою против познавшего тайнства, чтобы он не мог пустить в ход своих чар.

Как жаль, что держаться этим знаниям во мне не больше суток. Потом все начнет постепенно забываться. Руки забудут, как правильно метнуть кинжал из любого положения — и точно в уязвимое место. Названия трав и слова ритуалов сотрутся в памяти. Такие четко представляемые сейчас жесты станут простым рукомашеством без смысла и цели. А жаль, ой как жаль. Много интересных и тайных знаний скопил в себе этот паренек. Дейст-

вительно, собирал по осколкам, обломкам, крошечкам и крупичкам.

«Знание — сила», — говорил Гаэлтан. При этом он всегда добавлял: «Меч тоже сила, особенно против тех, у кого меча нет. Но мало иметь меч — надо еще уметь им пользоваться»...

* * *

...Я проснулся, и меня пробил озноб осознания. Наставник спал рядом. Как я был слеп!!! Вот сейчас мы спим в лесу, вдаль от моего тихого жилища. И ведь мне это нравится! А сперва меня очень бесили такие ночевки под открытым небом. Сперва я пытался понять лишь, что и как Гаэлтан делает, говорит, а сейчас главный вопрос: «Зачем?» Изначально я хотел перенять лишь знания друида, но сейчас пытаюсь понять, прочувствовать его мотивы, цели, побуждения. Понять — не всегда значит принять. Но я вдруг с особой четкостью осознал, что готов именно принять.

Он спал, мой учитель, спал крепко. Так может спать лишь человек, уверенный, что все идет в точности так, как он задумал. Ах, хитрец-друид. Ты учил меня драться и исподволь вкладывал в своего ученика понимание, ради чего стоит драться, свое, будь оно проклято, понимание. Ты учил меня обращаться со стихиями — и при этом вкладывал любовь к Гармонии. Ты рассказывал мне чудесные истории о людях, которые меняли мир, — и тихонько толкал меня идти по их пути. По Пути служения. Дайх-раб, что может быть хуже? Конечно же ты спишь спокойно. Твой труд почти закончен. Я — это уже почти ты.

Вот только почти победа — это еще не победа. И толку в ней не больше, чем в несбывшемся предсказании...

Твоя наука усвоена...

Дальше я пойду сам, хотя с тобой было бы проще...

Рука легла на рукоять кинжала, воткнутого в землю, дабы, в случае чего, не насторожить врага шелестом извлекаемой из ножен стали, как ты учил...

Вдох, замереть, как ты учил...

Ты никогда не знаешь до конца, на что способен твой враг, потому пусть твои намерения будут скрыты втайне от него так долго, как это возможно. Тогда у него меньше шансов на успешное сопротивление. Бросок с места, без подготовки — до самого последнего момента непонятно, будет этот бросок или нет, как ты учил...

Удар по горлу, слева. Кровь фонтаном. Тот самый удар, от которого почти нет спасения, как ты учил...

Пока противник ошеломлен, кинжал входит в глаз. Обе руки на рукояти, давить, пока острое не упрется в затылочную кость черепа, как ты учил...

А после смерти — слиться с природой. Звери-птицы тоже есть хотят, потому я оставил твой труп не погребенным, как ты учил...

Прощай, аколит Гаэлтан. Ты был очень хорошим учителем. Я никогда учителем не стану: ведь величайшая победа учителя — превзошедший его ученик, как ты учил...

* * *

...Да, старый учитель, ты научил меня думать. Научил лучше, чем убитый мной меркурианец, у которого вроде бы логика — одно из основных достоинств. Снаружи хлестал ливень. Его косые струи заштриховали мир, сделав все нечетким, размытым. Во мне бурлила сила, чужая, ворованная, становящаяся моей. Опьянение схлынуло так же быстро, как и пришло. Осталась какая-то нереальная четкость восприятия. Все чувства необычайно обострились. А мысли так и порхали, при этом услужливо подставляя свои хвосты. И я не преминул ухватить одну из них.

На меня началась охота. Я не мог позволить себе роскоши взять первого из подосланных убийц живым. Жаль, но жизнь все-таки дороже. Обыскать. Кинжалы — просто отличные, всего три штуки. Конечно, при его мастерстве зачем брать на дело лишние? Короткий меч. Неплохой клинок, лучше моих старых. Вот и обновка. Амулетов нет. Досадно. Хотя предсказуемо. Ни один уважающий себя плутонец не носит всех амулетов с собой. Я иногда задумывался: а сколько их валяется в забытых тайниках, к которым никогда не вернуться хозяева, встретившие более сильного, более ловкого или более удачливого врага?

Так, что дальше? Такие малолетки не атакуют схронов. Это удел более опытных. Каждому сопляку на Плутоне известно: убежище любого плутонца полно ловушек. По сути, многие из них — настоящие крепости, где хозяин способен достойно встретить целую банду, хорошенько проредить ее ряды и спокойно уйти, когда по-настоящему запахнет жареным. Все это — прописные истины. Следовательно, этого юнца наняли. Нанял кто-то, кто следил за мной, знал, что я прикован к лежанке, мать ушла, а дом охраняет несколько неповоротливых зомби. Вот и послали... Стоп. Но ведь и они должны были предполагать, что мне удастся отбиться,

даже в таких проигрышных условиях. Значит, вперед бросили кого не жалко. А настоящие убийцы придут следом. И времени у меня в обрез.

Итак. Через дверь они не полезут — это точно. Эти должны быть настоящими, а не всякой шушерой — все-таки определенная репутация у меня есть. Тени? Сомнительно. В этом плане моя репутация еще определеннее. Я бы на их месте попытался либо выманить противника из логова, либо дождаться, пока сам вылезет. Но тогда и малого вперед пускать не стоило. Значит, настоящие убийцы появятся с минуты на минуту. *Духи* — плутонцы, делающие упор именно на Тени. Некоторые из них могут вдвоем даже противостоять меркурианцу в его родной стихии. Последний для них становится не то чтобы видимым — скорее, размытым, прозрачным силуэтом. Все же лучше, чем ничего. Да, это — самый вероятный сценарий: трое *духов*, атака через Тени.

Так хотелось выйти наружу, подставить лицо тугим струям дождя, промокнуть до нитки, смыть с себя память о недавней слабости. Я люблю дождь. Именно наш, плутонский, хотя других-то я и не видел. Но почему-то кажется, что на Луне или Земле дожди не такие, нет в них той дикой страсти, с которой потоки воды хлещут поверхность Плутона. Говорят, над Паучатником дождь не идет никогда. Да это и понятно — ребенок под этим ливнем не выживет. Он, как и все на нашей планете, служит закалке тела и духа. Дождь вполне сравним с наказанием палками, а если град пойдет — так это уже побивание камнями в чистом виде. К счастью, глыбы льда падают не очень кучно. Достаточно ловкий человек вполне может от них уворачиваться. Зато какое пьянящее чувство победы над стихией переполняет тебя при этом.

Нет, выходить под дождь мне сейчас нельзя. Я должен быть сухим — ведь убили меня под крышей...

Я вполне вознагражден. Чувство победы в поединке разумов ничуть не хуже объятий ливня. Их было именно трое, они выскочили из Теней, словно там им пинка хорошего под зад дали. Я прекрасно видел их. Все тот же нехитрый трюк с воздушным зеркалом. Одно висело перед моими глазами, второе — в дальнем углу, где на двух неровностях стены лежал один из моих старых мечей. У всех под одеждой легкие кольчуги. Такая способна остановить метательное оружие, стрелу на излете, но не спасет от выстрела в упор или от хорошего удара клинком. На поясах мечи, а в руках — двойные арбалеты. Везет мне сегодня на хорошее оружие. Все трое припали на колено, оружие смотрит в разные стороны.

Один направил арбалет на вход, возле которого сразу заметил композицию из двух тел. Я лежал на своем несостоявшемся убийце. Острие его меча, пробив мой плащ, выходило из спины (на первый взгляд), очень красноречивая лужа выблеванной мною крови. Выпавший из руки серп-меч отлетел не так далеко, но быстро не дотянуться, и уж пальца на спусковой скобе арбалета точно не опередить. Конечно, при ближайшем рассмотрении халтура станет видна. Но шанса на это самое рассмотрение я им давать не собирался. Память четко зафиксировала положение всех троих. Один все еще целится в меня, двое других обшаривают взглядом поверх арбалетных болтов мое логово.

А вот теперь и мне надо действовать очень быстро. В тот момент, когда один из *духов* заметил мой меч в углу, держащийся на стене на честном слове, что совсем неестественно, и начал поворачиваться в мою сторону, одновременно уходя в прыжок с перекатом, мое воздушное зеркало исчезло. Легкий ветерок, возникший при этом, заставил меч упасть с громким звоном. Двое других резко развернулись на звук, одновременно разряжая арбалеты. Чужие, ворованные знания бурлили в моей крови. Я извернулся на полу, одновременно метая кинжалы с двух рук. Конечно, сам бы я такого повернуть не смог, зато это было по силам юнцу, расправившемуся с зомби.

Рука все-таки дрогнула. Левый кинжал вошел, куда я его направил: в шею с левой стороны. А вот правый смазлся, ударил второго *духа* в висок рукоятью. Оба осели на пол, роняя арбалеты, в которых еще оставалось по болту. И тут третий мой гость разрядил свое оружие в меня...

* * *

...Да, я помню каждый свой разговор с Гаэлтаном на эту тему. Десятки раз за все время обучения я пытался вызнать у него, как же, черт их всех побери, эти трижды проклятые друиды превращаются в зверей. И только один раз я добился хоть какого-то путаного ответа, больше похожего на сказку.

— Учитель, почему ты не хочешь мне этого рассказать?

— Потому что это знание тебе сейчас не нужно, — отвечал он тихо и спокойно, без малейшего признака раздражения, хотя меня на его месте подобная настырность давно взбесила бы. — Обучение этому должно проходить под присмотром. Сам ты не справишься, не стоит и пытаться. Только дров наломаешь, да таких... Словом, ничего эти знания тебе не дадут.

— Но ведь ты сам говорил: «Ищи знания везде, где только можешь. Даже если сейчас они тебе бесполезны, может прийти время, когда они окажутся недостающей частью какой-нибудь головоломки». А теперь ты сам противоречишь всему, чему меня учил. Это умение осваивается так долго? Сколько? Год? Два?

— Нет, сын Хансера. Это происходит очень быстро. Мне хватило дня... Это не обучение, скорее, испытание.

— И ты узнал о том, как это происходит в день испытания? — У меня появилось чувство, что передо мной клубок спутанных ниток, и я наконец-то ухватился за тот кончик, с которого следует начинать его распутывать. Теперь главное — сильно не тянуть, иначе порвешь — и начинай поиски с начала.

— Нет. Я об этом знал где-то с середины своего обучения, — тяжело вздохнул он. — Но я — другое дело. Даже если бы с моим наставником что-то случилось, рядом оставались другие, кто помог бы мне. А на Плутоне я один. И эта планета не самое безопасное место, согласишься, — подмигнул он мне, — меня ведь могут убить...

В ответ я рассмеялся:

— Так не бывает: у тебя здесь нет противников, ты сильнее всех. Разве что если кто из Конклава выйдет против тебя, но зачем им это делать?

— Я не знаю ВСЕХ, — именно так, с упором на это слово, сказал он, — кого могу здесь встретить, но, возможно, ты и прав.

Вот за это я его до сих пор уважаю. Конечно, свое мнение надо отстаивать всегда и до последнего, но не свои заблуждения. Кстати, этому великому умению не только слушать, но и СЛЫШАТЬ собеседника научил меня он, друид Гаэлтан. Я до сих пор стараюсь найти рациональное зерно в чужих словах, даже если на первый взгляд слышу полный бред.

— А возможно, это приблизит тебя к пониманию Гармонии, — добавил он. — В любом случае, думаю, плохого ничего не будет.

Я затаил дыхание. Вот оно, сокровенное. Когда Ансельм открывал мне секрет той грани, за которой обычный плутонский *дух* становится на один уровень с меркурианцем, я был слишком мал, чтобы оценить, какое сокровище пришло ко мне. Но сейчас...

— Итак, во-первых, ты должен понять, какой зверь отражает в большей степени твою душу. Это сделать не так просто. Каждый достигает этого по-своему. Некоторые пытались вывести общие правила, но, честно скажу, получалась ерунда. Единственное общее для всех — это медитация и погружение в себя. Ну а уж в какие формы твой мозг облечет эти поиски — про то узнаешь толь-

ко ты. Во-вторых, когда узнаешь свой первый тотем, ты должен найти этого зверя. А найдя, победить и впитать в себя его сущность.

— А как это — впитать? — удивился я.

— А вот в этом и состоит настоящее испытание. Про это никто никогда никому не рассказывает. Лично у меня это было так же, как у моего наставника, но это совсем не значит, что у всех так же. Понимаешь?

— Да, учитель, понимаю, — серьезно ответил я. — Каждый человек — уникален. Если ты хотя бы намекнешь мне, как это делал ты, то уже навяжешь мне копирование твоих действий. А ты говорил, что копия всегда хуже оригинала.

— Вот именно. Это — путь назад. А мы, люди, должны идти только вперед, хотя это всегда труднее.

И в этом он был прав. Путь дайх — вперед, через неизведанные дебри. Это чиэр предпочитает идти по торной тропе, повторяя, копируя шаги прошедших до него. Я благодарен тебе, Гаэлтаан. И если честно, мне немного жалко, что в день твоей смерти я был еще так мал и глуп. Я не мог беседовать с тобой на равных. Если бы я смог, может быть, сейчас ты был бы моим соратником. Возможно, я убедил бы тебя. Но тогда нож был единственным шансом спасти мою душу. Я не жалею о сделанном, но жалею о твоём уходе.

* * *

...У кого может быть нечеловеческая реакция, нечеловеческая скорость и нечеловеческая сила? Ясно, что не у человека. *Дух* с перепугу выпустил оба болта сразу. А я оттолкнулся от пола, одновременно перевоплощаясь. Плутонские тигры, по мне, самые красивые звери. Раза в полтора больше земных, как говорила мать, белые, с длинными верхними клыками, которые торчат из пасти ладони на три. Один болт пролетел подо мной, второй попал в левую переднюю лапу, пройдя вскользь. Порез глубокий, неприятный, жутко кровоточащий, но совсем не смертельный и даже не опасный.

Дух попытался встать на ноги и обнажить меч. Ничего у него, понятно, не вышло. Я ударил его в грудь передними лапами. Он упал, ударился затылком о край лежанки, и тут клыки, сверкнув ужасными ножами, сомкнулись на его горле. Наверно, я чуть-чуть перестарался. Что-то хрустнуло на зубах, кажется, позвончик. Я тут же метнулся назад, принимая свой обычный

вид. Оглушенный *дух* медленно приходил в себя. Он встал, потянулся за оброненным арбалетом, и тут я, подскочив, ударил его в нос. Под кулаком хрустнуло. Хорошо. Хорошо стоит — видимо, не через одну драку прошел. Обычно я бы добавил ему в живот, но сейчас не хотелось испытывать, что прочнее — мой кулак или сталь кольчуги. Поэтому — ногой в колено, у него подворачивается нога — и добить ударом в правую скулу.

Так, вроде бы уложил чисто. Проще добить его, но должен же я узнать, кто на меня охотится. В себя он пришел, по мне, слишком быстро. Крепкая голова. Но дурная. Ему бы лежать, не дергаться. А он вновь потянулся к оружию, на сей раз — метательному ножу, который отскочил от его виска и сейчас мирно лежал на полу. Я подождал, пока его пальцы коснутся рукояти, а потом наступил на руку и тем же самым ножом пригвоздил его кисть к полу. Впервые из его горла вырвался хоть какой-то звук — легкий стон. До того все происходило в тишине. Вот теперь все. Дергаться не должен. Не ожидал я такой стойкости и упрямства от *духа*. Обычно если первый удар не удается, они начинают юлить, изворачиваться, пытаются спасти свою шкуру.

Теперь уже не спеша я поднял свой серп-меч, осмотрел клинки убитых. Средненькое оружие, хотя нет, пожалуй, выше среднего. То есть потолок для таких, как я, одиночек. Лучше я просто так вряд ли где достану. Взвел один из арбалетов, зарядил двумя болтами, отошел к выходу и навскидку всадил оба в ногу своего пленника. Один пробил лодыжку, второй попал чуть ниже колена. Да, арбалеты гораздо выше среднего. Жалко, что два из трех мне не особо нужны.

Я спокойно собрал все лишнее оружие и уложил туда, где раньше хранился серп-меч. Запас — дело нужное. Схрон конечно же теперь придется бросить в любом случае. Осталось только выяснить, кто за меня взялся — люди Герхарда? Если да, значит, я недооценил старого труса. Пожалуй, из плутонцев моего уровня подготовки в сегодняшней заварушке девять из десяти не выжили бы. При всем разнообразии моих талантов все висело на волоске. Все-таки приятно побеждать.

Я вышел наружу, подставил лицо под удары косых струй дождя. Весь в крови, своей и чужой, порез на руке. Наскоро заговорил кровь. Уж это любой уважающий себя высший должен уметь. Мало приятного — сдохнуть от потери крови, когда рядом не окажется ни одного лекаря. Рану чуть-чуть пощипывало. С моих слов все, наверно, решили, что на Плутоне и звери, и насекомые, и растения, и даже явления природы могут нести только смерть.

Ошибаетесь. Здесь у нас все направлено на то, чтобы научить выживанию. Но и нежданная помощь изредка приходит. К примеру, тот же дождь вполне заменит прижигание раны. Хотя на вкус — вода как вода.

Вокруг простиралась пустошь. Лишь на горизонте виднелся лес, нечеткий за пеленой дождя. Стихия прибила к земле невысокую траву. В ясные дни отсюда легко можно разглядеть Город. Мне нравилась эта пустошь. Хороший обзор со всех сторон. А среди трав очень часто попадались лечебные или годящиеся в приправу к еде. И не скажешь с первого взгляда, что весь этот простор усеян землянками, тайными схронами одиночек. Таких не заметишь просто так, и даже тщательный поиск может не дать результата.

Дождь промочил меня до нитки, смыл кровь и липкий пот лучше, чем купание в речке. Все это время я краем глаза следил за своим пленником. Вряд ли он убежит, с пробитой в двух местах ногой он даже не сосредоточится настолько, чтобы скрыться в Тенях. А если и скроется... Проклять!!! Я настолько привык пользоваться наукой Ансельма, что совсем забыл: Тени для меня закрыты.

В два прыжка я очутился рядом с *духом*, перевернул его на спину, особо не церемонясь. Он не издал ни звука. Плохо. Похоже, это — дайх. А дайх — волк среди овец. Он, даже умирая, рычит и не унижится до того, чтобы скулить и вымаливать себе пощады. Такого сложно допрашивать — он спокойно перенесет любую боль. Хотя нет, конечно же я преувеличиваю. Не люблю. Умеючи можно расколоть каждого. Но этот будет держаться особенно долго. Возможно, так долго, что его явятся спасать. Конечно, сейчас я гораздо сильнее, чем был еще час назад, и все-таки этих троих я переиграл еле-еле — понятно, что те, кого пошлют следом, будут лучше подготовлены.

Хорошо, что у познавших таинства есть другие методы допроса. Я присел над ним на одно колено, взял за подбородок и развернул так, чтобы его глаза смотрели в мои. Сосредоточиться. Так, видимо, с опытом у меня это получается все быстрее и быстрее. Сфера Тьмы. А против меня серая Сфера, гораздо тоньше моей. Сразу видно — защита поставлена интуитивно. Человек не знает, как это делается, — просто он довольно силен духом. Я криво улыбаюсь, и часть моей сферы вытягивается в тонкий клинок, бьет в его защиту. Миг сопротивления — и я проникаю внутрь, тянусь к сердцу. Его глаза наполняются ужасом, а сердце бьется судорожно и часто, словно чувствует, что сейчас

чужак стиснет его своей холодной хваткой. Вот так. Чуть сжать. Он хрипит, я ослабляю давление.

— Кто вас послал? — говорю тихо, в том ритме, в котором стучит сейчас в его груди хрупкий комочек плоти.

Он кривится в жуткой гримасе, а я вновь усиливаю свою хватку и повторяю вопрос, старательно следя за совпадением ритмов. По его вискам течет пот. Я знаю, вижу по вооружению, подготовке — их банда не из маленьких. А вожаки всех крупных банд известны каждому одиннадцатилетнему сопляку. Вырвать имя — и я смогу начать свою охоту, совсем как мой отец. Останется только превзойти Хансера в изощренности и жестокости, чтобы вспомнили не его похождения, а мои.

— Кто? Имя!!!

— Хантер, — хрипит он. Внутренним взором я вижу, как лопаются с треском его Сфера, как осколки пробивают сердце.

Проклятье!!! Он почувствовал, что не устоит, и сумел убить себя, выплюнув всего одно имя. Хантер. Я слышал о нем впервые. Может, за последнюю пару суток в какой-то банде сменилась власть? Может, Герхарда убили? Но в его окружении я не знал парня по имени Хантер.

Кто? Проклятый *дух* умер слишком рано. И все-таки он был дайх. И ушел он как дайх. Бессильный победить, он добился того, что его противник почти не получил выгоды от своей победы. Что-то странное было в нем. Что-то знакомое, какой-то привкус... Он почему-то напомнил мне Гаэлтана. Совсем чуть-чуть, даже не намек, а тень намека, но это — то самое совпадение, которое не может быть случайным. Как будто... нет, сам друид ни при чем. Но словно тот, кто обучал Гаэлтана и этого *духа*... нет, даже не они сами, а несколько поколений учеников, ставших учителями, и где-то в конце эти две цепочки сходятся к одному наставнику.

* * *

Город. Единственный город на Плутоне. Зачем ему имя, если он один? И так ни с чем не спутаешь. Меня всегда занимал вопрос: кто его строил? Нет, конечно, способности древних высших были не те, что у теперешних, и все же — все же сомневаюсь, что с помощью магии можно возвести настоящий город. Какую-нибудь имитацию — пожалуйста, с одинаковыми домами, улицами под линейку и так далее и тому подобное. А вот плутонский Город со всем его архитектурным разнообразием, катакомбами, кривыми улочками и широкими проспектами, труппами, особ-

няками, садами и парками, нынче в основном большинстве заброшенными, — это нужна творческая мысль мастерового, а не мощь сверхчеловеческих способностей.

Вопрос, кто его разрушил, не столь сложен. Разрушил не весь, понятно, но некоторые районы — сплошные руины. Иногда даже можно угадать: здесь поработало особо мощное заклинание, а вот здесь — банальный таран. Где-то бушевало магическое пламя: там даже песок превратился в стекло. Одно ясно — никакой бой одиночек не приведет к подобным разрушениям. Здесь сталкивались если не армии, то серьезные отряды высших.

Хотя... сейчас мне приходит в голову, что раз уж древние были столь могущественны, то, скажем, перенести с Земли на Плутон уже готовый город их сил хватило бы. Впрочем, к чему забивать голову всякой ерундой? Даже найди я ответы на эти вопросы, это не прибавило бы мне сил. Прошлое мертво. А я живу сейчас. Я стою перед Герхардом.

Добиться встречи было непросто. Конечно, главарь одной из самых сильных банд был в панике. Если дать ему время, он успокоится, начнет рассуждать логически и предпримет правильные действия. И меня, несмотря на весь мой маскарад, вспомнят, вычислят, объявят войну... ну а дальше — как пойдет. В любом случае для меня это будет испытание еще то. Кто-то говорил, что одиночка никогда не сможет победить организацию. На Плуtone, конечно, это правило не работает. Любая банда держится на одном: на воле вожака. А вожак — человек. У человека есть голова, которую можно отрубить, сердце, в которое можно всадить арбалетный болт. Тогда наследники, все, кто посчитает себя достойными, сцепятся в борьбе за власть — вот и нет организации. Только повернуть это крайне сложно.

В любом случае опомниться я Герхарду не дал. Время поджигало меня. Схрон, прослуживший нам с матерью убежищем уже и не вспомню сколько лет, пришлось покинуть. Ночью мы пробрались в Город. Три дня прятались в каких-то руинах. А когда пошел слух о том, что Герхард покинул свой особняк из-за того, что там завелась какая-то нечисть, стало ясно: время пришло.

Если честно, я не думал, что он сразу ухватится за мое предложение встречи. Записка, привязанная к арбалетному болту, не располагает к доверию. Условия были четкими: при нем должно быть не больше десяти человек. Учитывая возможности его банды, целая армия. Во-первых, богатейший выбор бойцов, во-вто-

рых, выбор снаряжения гораздо обширнее, чем у любого одиночки. При этих условиях десяток — настоящее войско.

Мы с матерью собирались прийти вдвоем. С одной стороны, безрассудно. Десяток опытных головорезов должны с легкостью скрутить нас, если вдруг переговоры пойдут не так, как надо. Но есть и второй момент. Сила сотрясающих Вселенную — в четкости и логичности, в уме. Построить сильное заклинание, создать его образ в голове, определить, как и на какую стихию воздействовать, чтобы получить нужный результат. Сила познавших таинства — в чувствах. Они понятия не имеют, как «оно» работает. Им главное — верить в конечный результат, очень хотеть его достигнуть — и все пойдет само. Те, кто читал книжонку Луи, думаю, помнят, что вытворяла Тайви, когда жизнь ее возлюбленного повисла на волоске. А теперь представьте, насколько глубже и сильнее связь матери с ребенком. Понимаете мой расчет? Если мне будет угрожать опасность, моя мать с легкостью разбросает не то что десяток — сотню высших.

При этом стоит добавить, что выглядела она сейчас моложе меня. Никто на Плутоне не знал, кем я ей прихожусь. Все думали — покровителем. Конечно, любой неплутонец держится за покровителя, коли уж повезло таковым разжиться, но отношения у них почти «хозяин — раб», так что и чувства замешены на ненависти и страхе. Ведь один хозяин всегда лучше, скажем, десятка. Поэтому познавших таинства в бою с их покровителями зачастую сбрасывают со счетов. Под ногами путается, но ничего смертельного сделать не может. Сами понимаете, для меня это еще один козырь в рукаве.

Мы стояли с Герхардом на руинах какого-то замка. Много камня — камня дикого, большие глыбы, такие без магии не обрушишь. Мать держалась чуть позади меня. За спиной Герхарда стояла старуха, совсем седая, но, как и все высшие в преклонных годах, вовсе не дряхлая. Шаманка. Ее звали Вещая. Говорят, именно она подсказала, что Герхарду сделать, чтобы мой отец оставил его в покое. Да и в других случаях спасала его не раз. Хорошо хоть, щедро наделенная даром предвидения, она была обделена остальными дарами. Иначе мои услуги не понадобились бы. Она сама не только расправилась бы с нежитью, но и легко определила, кто ее сотворил.

Остальных девятих я уже вычислил. Они были рядом, наверняка с арбалетами. Хорошо, что я поддел под одежду одну из захваченных кольчуг. Маленькие арбалеты не так мощны, чтобы пробить ее с большого расстояния, а настоящие, боевые, исполь-

зуют редко. Да, мощны, но громоздки, и в городских стычках это, по сути, оружие одного выстрела.

— Твое лицо кажется мне знакомым, — первым заговорил Герхард.

А он сдал за эти дни. Морщин прибавилось чуть ли не вдвое, поседел, стал блее Вещей. Руки трясутся, а в голосе — вселенская усталость. Лучше бы уж похудел от всех этих волнений, это бы хоть пошло ему на пользу. Старый толстый бывший убийца. Конечно же бывший. Имея столько подручных, самому грязную работу делать необязательно. А навыки — как нож, без употребления ржавеют.

— Миракл, сын Хансера, — поспешил я подкинуть ему ложный след. Он вздрогнул, услышав имя. Вот и хорошо. Пусть лучше ищет в моем лице сходства с отцом, которого Герхард, судя по всему, до сих пор боится, чем с одним из своих людей, не так давно пропавшим.

— Того самого? — уточнил он.

— Ты знаешь другого? — усмехнулся я.

— Да, вы похожи, — кивнул толстяк. Видеть он мог только мое лицо. Я закутался в плащ, чтобы не показывать кольчугу и серп-меч на поясе. — Меня смутил твой бритый череп, — усмехнулся он. — Твой отец предпочитал длинные волосы. Да и посмуглее он был.

— Я позвал тебя не для обсуждения моей родни, — прервал я поток его воспоминаний.

— А для чего?

— А для чего ты пришел? Я не слышал, чтобы у столь уважаемых людей были в привычках встречи с не пойми кем, закинувшим стрелу с письмом. Значит, у тебя есть проблема, с которой ты не можешь справиться сам.

— Но ведь и ты знал, зачем шел, сын опасного даже в смерти? — проскрипела Вещая. — Ты ведь многое от него взял — гораздо больше, чем думаешь. Я не могу предвидеть твоих путей, а это — знак сильной души. Совсем как у него.

— Моя душа и мои предположения — это мое дело, — небрежно ответил я. — Не о них речь. Есть человек, который не может сам справиться с возникшими трудностями и у которого есть то, что надо мне. Почему бы не попробовать обменяться? А, Герхард?

— И что же у меня такого, без чего ты, одиночка, не можешь обойтись? — устало спросил он. — Назови цену твоим услугам.

— Еще не знаю, какова работа, — возразил я. — Боюсь прошевить. У тебя много чего есть...

— Не бойся. Если считаешь, что плата слишком мала, можешь или потребовать больше, или отказаться от дела. На цепь тебя никто не сажает.

— Хорошо. Мне нужен пропуск в катакомбы, к наставникам.

— Хм... — Герхард потер свой тройной подбородок дрожащей рукой, бросил взгляд на почти закатившееся за горизонт солнце, на вот уже второй день безоблачное небо. — Наставники... боюсь, вожаки других банд не оценят, если я пушу к ним чужака, одиночку. Сам понимаешь, по традиции банды недолюбливают таких, как ты. Чего скрывать, вы гораздо более живучи, чем любой из нас. Еще и хорошее обучение... Твой отец заставил нас с опаской относиться к хорошо обученным одиночкам.

— Не ты — так кто-нибудь другой, — пожал я плечами. — Банд много. Одиночка и познавшая таинства. Думаешь, такая пара не найдет чем заплатить?

— Познавшая таинства... — Он задумался, крепко задумался. — Бледная. С Темной стороны?

— Да, — только и бросила мать.

— С проклятиями работать приходилось?

— Да.

— С нежитью?

— Да.

— С вампирами?

— В бою встречалась с низшими, сама делать не умею, если ты об этом.

— Неупокоенные духи?

— Ерунда. — Мать презрительно скривилась.

Герхард переглянулся с Вещей. Та сделала какой-то знак рукой. Я напрягся, но это действительно был всего лишь знак, а не начало какого-либо ритуала. Язык жестов. И уж точно не сигнал окружающим нас людям к атаке. Иначе я бы уже был в гуще боя.

— Да, вы действительно ценные союзники, — согласился Герхард.

Он присел на камень. Видимо, ноги устали держать такую тушу. То, что я смотрел на него сверху, главаря несколько не смущало. Ох, Миракл, расслабился ты, расслабился. Да, старый, да, толстый, да, измученный теми неприятностями, которые я на него свалил. Но от этого он не перестал быть опасным противником. Плутон — не место для слабых. Он пережил резню, устроенную Хансером. После такого всегда идет смена власти — ведь, по

сути, он потерпел поражение в войне с одиночкой. Парочка молодых и предприимчивых наверняка в те времена решила, что Герхард уже не тот и пора бы его подвинуть, но он все еще главарь, а значит, его противники кормят червей. Ему хватило сил и ума продержаться очень долго. Это — уже достаточный повод опасаться его.

— А где гарантии, что ты выполнишь свою часть сделки? — с хитрым прищуром взглянул он на меня.

— Даже если не выполню, что ты теряешь? — небрежно спросил я. — Нет работы — нет платы, все остаются при своих. Никто ничего не теряет. Сам понимаешь, оплата такова, что задаток требовать сложно.

— Хорошо. А ты не боишься, что после выполнения работы я пошлю тебя куда подальше? Сам понимаешь, оплата такова, что силой ее не возьмешь.

— Ну... — Я выдал одну из своих кривых усмешек. — В нашей семье неплохие традиции. Мы знаем, что делать с главарями банд, которые переходят нам дорогу.

Он вздрогнул. Он понял — намек был слишком прозрачен. Даже не намек — я прямым текстом сказал: если что пойдет не так, то стану на путь отца. В этот момент мне показалось, что он готов подать своим головорезам знак уничтожить нас. Но нет.

— Ты знаешь, из-за чего началась охота на твоего отца? — устало спросил он.

— Нет, а какая разница?

— О-о-о, Миракл, разница есть. Твой отец проник в катакомбы и убил одного из наставников. Сокрушающего врагов — того самого, который поклялся убить его. Говорят, у них был поединок. Говорят, он как-то сумел обойти чутье марсианина, умение предсказывать действия противника. Говорят... эх, да много чего говорят. И пишут много чего. Но я не припомню, чтобы кому-то еще удавалось подобное, хотя способ известен. И еще... с тех пор катакомбы охраняются в десять раз серьезнее. Даже Хансер, вздумай он вдруг воскреснуть и повторить эту свою выходку, не сможет пройти. Так что... сам понимаешь, единственный способ попасть туда — это договориться о проходе.

— Так это я вроде бы и делаю, — позволил я себе тихо рассмеяться.

— И это правильно. Приятно иметь дело с разумным человеком.

— Тогда, может, к делу перейдем? Слухи — вещь ненадежная.

— Перейдем, перейдем. — Герхард опустил взгляд. — Все со-

всем не просто. Именно потому я с тобой и разговариваю. Вчера ко мне приходили двое, они тоже взялись за работу. Приступят завтра. Это так, между делом. Как вы между собой разберетесь — мне все равно. Вы их положите, они вас или договоритесь и будете действовать вместе. Мне все равно — пропустить в катакомбы двоих или четверых.

— В катакомбы? — заинтересовался я.

— Да. Они попросили в награду то же, что и ты.

— Понятно. Ближе к делу.

— Мою младшую дочь прокляли, — сказал он, как в воду прыгнул, словно болт арбалетный выпустил.

— Не прокляли, — проворчала Вещая. — Убили и превратили в нежить.

— Молчи ты, старая ведьма, — устало произнес Герхард.

— Прокляли или убили? — вмешалась мать. — Разница небольшая, сам понимаешь.

Вот теперь он не сдержался, поднял взгляд. Наверно, так он умел смотреть когда-то давно, в далекой молодости, когда только становился вожаком. Я даже вздрогнул.

— Верните мне мою девочку, — прорычал он сквозь зубы. — Верните мне ее!

На миг мне показалось, что Герхард все-таки меня вычислил, специально согласился на встречу, чтобы самому убить. Усилием воли я сумел сохранить невозмутимость, не позволил вздрогнуть ни одному мускулу, не отвел глаз от полного ярости взгляда вожака.

— Сделайте это — и награда будет достойной, — уже спокойнее продолжил он. — Что там катакомбы! Я и все мои люди встанем как один против любого вашего обидчика. Я в жизни творил всякое. Это — Плутон, здесь не место слабости. Но никогда я не поднимал руки на семью моего врага. Если сын или дочь берутся за оружие — это одно, но вот так, в доме, без объявления войны... Я найду этих ублюдков, и они пожалеют, горько пожалеют. Есть тысячи способов заставить человека желать смерти. А вы — вы верните мне мою девочку.

Вещая вроде бы хотела что-то сказать, но передумала, махнула рукой и отвернулась. Герхард вновь опустил взгляд: иссякла ярость. И передо мной опять был тучный старик. Ненадолго его хватило. Мы с матерью переглянулись. Да, у меня даже слов не находилось.

— Я понимаю, почему ты спрашивал, разбираюсь ли я в про-

клятиях, — задумчиво произнесла мать. — Но к чему были вопросы про нежить?

— Да к тому, что у меня в доме завелась нежить! — Герхард вновь повысил голос. — Бродит везде, кидается на людей. Это были мои люди, а теперь они — ходячие мертвецы! И с ними надо как-то справиться. Они игнорируют любое оружие. Чхают на боевые заклинания. А тот, кого они укусят, со временем сам превращается в их подобие.

Мы с матерью переглянулись. В ее глазах я прочел всего лишь одно слово: «идиот». И предназначалось это слово явно мне. Теперь все становилось на свои места. Конечно, я должен был терять силы. Укус Эльзы превращал жертву в подобного ей ходячего мертвеца. А чтобы осуществлять такое превращение, она тянула силы из меня. Неуязвимость их тоже обеспечивалась мною. По сути, мне очень повезло. Связь прервалась, когда я выпил живой крови, — ведь в тот момент, когда чужая сила сливается с твоей собственной, в Мире Видений ты словно бы становишься другой сущностью, и все старые связи рвутся. Мне действительно повезло, иначе сейчас я бы и пальцем пошевелить не мог. Медленно умирал бы, оживляя новых и новых зомби. Вернись люди Герхарда сейчас в его дом — они заметили бы, что зомби хоть и по-прежнему невообразимо опасны, но вполне уязвимы.

А с другой стороны, чего она от меня хотела? Я — всего лишь плутонец, обученный некоторым приемам познавших таинства. Глупо требовать от меня ювелирной работы.

— Понятно, — задумчиво проговорила мать. — Я даже затрудняюсь сказать, что это за твари. Обычным ходячим мертвецам, которых называют «зомби», хотя к настоящим зомби они не имеют никакого отношения, несвойственно превращать жертву в себе подобного. С другой стороны, и из вампиров на это способны немногие, но вампиры боятся солнца...

— Эти твари не боятся солнца, — проскрипела Вещая. — Серебром мы их не проверяли. Они не утратили боевой сноровки, а неуязвимость сделала их страшными противниками. Мы хотели попробовать огонь, но горят они не очень хорошо. А плеснуть чем-нибудь горючим не решились — так и дом спалить недолго.

— Чем дальше, тем интереснее, — буркнул я. — Но прежде чем ударить по рукам, у меня еще один вопрос.

— Спрашивай, — кивнул Герхард.

— Если окажется, что прав не ты, а Вещая и твоя дочь уже мертва? Сам знаешь, воскрешать в этом мире еще никто не научился.

Я не собираюсь гибнуть в твоём доме, пытаюсь сотворить невозможное.

— Если вдруг так произойдет, — он словно бы подавился словами, голос сорвался, но тут же вновь стал твердым, — если твоя напарница определит, что это — не проклятие и моя предсказательница не ошиблась, тогда очисти мое жилище. И ты получишь свой проход в катакомбы.

Я прекрасно понимал, чего ему стоили эти слова, и все же уточнил:

— Ни о какой дружбе и помощи в этом случае речь, понятно, идти не может.

— Ты догадлив, — саркастически усмехнулся Герхард. — Очистка дома от нечисти — работа мусорщика.

— Тогда до завтра, — кивнул я.

— До завтра.

* * *

Надо было, наверно, поспать, но мне не спалось. В последнее время, стоило сомкнуть глаза, я проваливался в Мир Видений. И каждый раз одно и то же: размытая тень, имитация атаки... Он отступал, не нанеся удара. И это было еще хуже. Я пытался сопротивляться — он в корне пресекал эти попытки, но каждый раз отступал, не причиняя мне вреда. Словно пробовал на прочность, убеждался, что даже с друидским клинком я ему не ровня, и прекращал атаку, садился и просто сверлил меня своим пылающим взглядом. Кто он? Или она? И что ему от меня надо? Для себя я окрестил его «Дух Теней». Почему? Он нанес первый удар в тот же день, когда Тени закрылись для меня. Не знаю, связан ли он с этим... да и какая разница?

Мы стояли у ворот особняка задолго до рассвета. Во-первых, хотелось опередить конкурентов. Если поторопиться, можно сделать дело, а потом устроить засаду на тех двоих, что придут. Не люблю, когда кто-то становится у меня на пути. Да и меньше народу в Городе — легче дышать.

Вот странно, сейчас пытаюсь вспомнить, как выбирался отсюда, — ничего не выходит. А ведь тогда думал: все нормально, так и должно быть, просто много сил потерял.

Мать стояла, опираясь на посох. Она, как и я, была в легкой кольчужке, на поясе висел один из трофейных мечей. Не сказать чтобы она очень уж хорошо владела этим оружием — средненько. Плутон — он хороший учитель. Большинство познавших тайнст-

ва вообще не знают, с какой стороны за клинок браться. Есть боевые сотрясающие Вселенную. Они сносно владеют оружием, ведь сама специфика их магии — преобразование физической силы в магическую в отличие от небоевых, так что хочешь не хочешь, а оружие осваивать приходится — это очень помогает и в колдовстве. Но никто не слышал о боевых познавших таинства.

— Входим, — тихо сказал я. — Держись чуть позади меня. Работа — левая, но есть шанс, что наши конкуренты уже там. Сделай так, чтобы они могли подойти ко мне только по одному, — остальное на мне.

Она молча кивнула. Обычно мы так и действовали. Ничего нового. Я двинулся вперед, ступая бесшумно. Не стоит пренебрегать такими предосторожностями. Двери. Одной створки нет вообще, вторая висит на одной петле. Я быстро юркнул внутрь, стараясь держаться в тени. Ага, а вот и недостающая створка. Из-под нее виднеются человеческие руки и ноги, уже чуть-чуть тронутые тлением. Мы с матерью переглянулись. Все и так понятно. Кто-то, не понаслышке знакомый с магией, не просто вынес дверь, а буквально расплющил ею одного из ходячих трупов. И мне в голову приходил лишь один вариант: конкуренты. Загадочная парочка, подрядившаяся сделать нашу работу.

Шум со стороны лестницы наверх. Я быстро поднял взгляд. К нам спускалось то, что когда-то было человеком. Мать протянула в его сторону руку и резко сжала кулак. Я почувствовал легкий укол боли, а зомби осел прямо на ступеньки. Мать бросила в мою сторону очередной гневный взгляд и одними губами произнесла:

— Идиот.

Сложно с ней не согласиться. Я чувствовал, как внутри дома восстанавливаются связи с творениями моих чар. Отсюда и болезненный укол, когда мать уничтожила одно из них, но был в этом и положительный момент. Теперь я всех их чувствовал. Да, всех, семерых. Трое на первом этаже, четверо, включая Эльзу, на втором. Они тоже почувяли меня, но для них я был источником силы. Все семеро жадно присосались ко мне. Проклять!!! Все четверо вели бой. Я чуть не вскрикнул от боли. Еще один неживой стал окончательно мертвым, при этом он хорошенько черпнул из меня, пытаясь выставить магический щит. Но то, что в него ударило, оказалось гораздо сильнее.

Я поднял один палец, а затем указал на внутренние помещения первого этажа и провел ребром ладони по горлу. Мать кивнула. Картина прорисовывалась все четче и четче. Дом я изучил хо-

рошо. Похоже, двое живых вошли, сметя ненадежную защиту в виде одного зомби, начали обследовать первый этаж, дошли до второй лестницы, которая вела наверх из кухни, там напоролись на серьезное сопротивление. Один остался прикрывать, а его напарник бросился наверх. То ли заметил саму Эльзу, то ли знал, где искать ее комнаты. В любом случае, если у них хватит сил справиться с ходячими трупами, — их тем более надо убить до того, как они покинут дом. Иначе я лишусь права требовать награды.

По моим прикидкам, зомби в доме должно быть штук на десять больше. Следовательно, недостающих уложили эти двое. А учитывая то, что твари мало чем уступали живым противникам, да еще и игнорировали многие способы физического и магического воздействия, сей факт внушал уважение к нашим конкурентам.

Мы бросились к кухне, продолжая двигаться бесшумно. Внезапная атака — лучшая атака, а Тени мне все еще недоступны. Еще два укола боли. Я еле сдержался, чтобы не вскрикнуть и не сбиться с шага. Еще два маячка в виде моих творений перестали существовать. И оба — на первом этаже. Но это уже не столь важно. Я влетел на кухню, буквально стелясь над полом, тут же юркнул за перевернутый стол. Да, побоище здесь вышло знатное. Тел я считать не стал. Их было много — что толку от знания точного числа? И так ясно: напоролись мы на кого-то серьезного, уложившего всю эту уйму неупокоенных.

Наверху кто-то применил особо сильное защитное заклятие. Похоже, дверь запечатали. Видимо, второму приходится туго, он отстывает. Ничего, Эльзу дверь надолго не остановит. Сейчас у этой мертвой сучки просто океан силы, бери — не хочу. Самое время ударить по живому. Я выглянул из-за стола.

Он стоял боком ко мне — высокий широкоплечий мужчина. Одет во все белое: легкие полотняные штаны, мягкие сапоги без каблуков, белая рубаха, свободные рукава на запястьях туго стянуты, чтобы не мешали в бою. Поверх рубахи белая же туника без рукавов, почти до колен, с капюшоном, который скрывает верхнюю половину лица. Удивительно, как он видит? Ткань плотная, хоть и белая. И еще — почему такая снежная белизна одежд? Он же только что из боя, и ни одного пятнышка. Ох не понравился мне этот противник.

Туника подпоясана алым поясом, а на поясе — нож в ножнах. Но это — не оружие. Даже при всем желании этой миниатюрной поделкой можно только хлеб или мясо нарезать. Сразу видно:

лезвие короткое, тонкое, рукоять без гарды, то есть никакого упора для колющего удара. Он опирался на простой шест чуть больше роста хозяина. Да, метра два, не больше. Это — не оружие. Но и не магический инструмент, я-то чувствовал.

Все эти наблюдения уложились секунд в десять. В это время в руках моих возник арбалет (опять же спасибо давешним убийцам, вооружили они меня отлично). Против зомби это оружие бесполезно, а против живых — в самый раз. Белый, как я для себя назвал этого, с шестом, как раз направился к лестнице — наверно, тоже почувствовал, что напарник не справляется. При этом он подставил мне спину. Отличная мишень. Белые одежды хорошо видны в полумраке — наверно, только слепой промахнется. Я поднялся бесшумно, не спеша прицелился, задержал дыхание и плавно надавил на спусковую скобу. Раз и два, почти слитно. Болты в таком случае летят в одну точку один за другим. Так стрелять научил меня Ансельм. Как он говорил, если стреляешь в спину марсианину, он успеет отбить клинком один болт, но развернуть меч, чтобы отбить второй, не помогут даже его рефлексы, следовательно, он вынужден отбивать его вторым клинком, и в это время у напарника появляется возможность ударить его из Теней. Он настолько долго вбивал в меня эту науку, что теперь из двойных арбалетов я стреляю только так. Правда, есть другие способы уйти: увернуться в сторону, упасть на землю, но это в любом случае ухудшает положение противника, делает его более уязвимым.

Белый успел. Я не знаю, как он почувствовал мою атаку, — я был уверен, что не издал ни звука, только дважды звякнула тетива, но без этого уже никак. Он развернулся. Шест на миг превратился в сплошное колесо. Болты, жалобно звякнув, улетели в сторону. Он отбил, не видя выстрела, не видя самих болтов, ничего, разорви его черти, не видя. Теперь он стоял ко мне боком, приняв боевую стойку и опустив конец шеста почти к самому полу.

Мать что-то запела очень низким голосом, направив в Белого свой посох. Монотонная мелодия с рваным ритмом. Белый выставлял ладонь левой руки ей навстречу. Мать вдруг сбилась с ритма, отшатнулась. И тут атаковал я. Атаковал в длинном прыжке, перекидываясь в тигра уже в полете. Что-то подсказывало мне, что с мечом против этого противника лучше не выходить. Он успел перехватить шест двумя руками и сунуть мне в пасть на вытянутых руках. Мы оба упали, я — сверху, но он каким-то образом смягчил падение. Я сомкнул челюсти: плутонскому тигру эта деревяшка — на один зуб. Но вместо брызга щепок из раздроб-

ленной рукояти — боль и чувство, что мне подсунули прут из закаленной стали. Я попытался выпустить когти и разорвать ему грудь, но тут сам получил сильнейший удар в бок. Меня отбросило. Короткий яростный рык надо мной, оскаленная морда пантеры, блеск клыков — и бросок, нацеленный мне в горло...

* * *

Мы подобрали ее весной. Недалеко от выхода из Паучатника это было. Там еще руины какой-то крепости. Тоже, кстати, странные. Крепость совсем целая, только ворота сгнили. Признаков штурма не видно, никто ее магией не рушил. Только скелеты во дворе. Много скелетов. Есть и откровенно детские, есть взрослые — самый широкий выбор. На любой вкус. И кто знает, что там произошло. Паучатник окружают неприступные горы, выход один — в лесистую долину, а уж на выходе из этой долины и стоит крепость. То есть ее никак не минуешь.

Известно, что где нет людей, там заводится всякая дрянь. Обычно дети из Паучатника идут отрядами и через ту мерзопакость, что завелась в крепости, пробиваются легко. А эта одна пошла. Маленькая, худющая, но жилистая, все предплечья в шрамах, а в кулачке зажат обломок ножа. Щеки запали, зеленые глаза на пол-лица. Даже не совсем зеленые, а какие-то желтоватые в придачу. Черные, прямые волосы спутаны, на виске видна запекшаяся кровь. Одежда разодрана, сквозь дыры проглядывают свежие царапины. Четыре параллельные — видимо, удар лапы какого-то хищника. Я тогда еще не очень в этом разбирался. Мое обучение у Гаэлтана только начиналось.

Ее глазенки сразу сузились, она вся подобралась, готовая к прыжку. Вот ведь малявка! Сама еле дышит, но готова драться. На шее амулет, совсем новенький. Получить такой — мечта каждого, но до четырнадцати лет взрослые плутонцы не трогают малолеток. Это — закон, один из немногих, нарушение которого всегда карается. Часто их даже берут в обучение. Это — не закон, а обычай. Кто-то выучил тебя — верни долг. А с другой стороны, не так уж плохо иметь младшего товарища, который обязан тебе всем. Все-таки благодарность и Плутону не чужда.

К несчастью малявки, мне было всего одиннадцать, следовательно, я мог спокойно убить ее. Опять же к ее несчастью, в этот поход меня повела мать, а не Гаэлтан с его принципом: не убивать без крайней нужды. И все-таки она мне понравилась. Не как женщина — в одиннадцать об этом думать еще рано, — да и какая из

нее женщина? Курам на смех. Дух ее мне понравился. Вышла в большой мир одна. В бою сломалось оружие, но ей удалось победить какого-то хищника. Не удалось бы — не выбралась бы. Бегать от плутонских зверей бесполезно. И сейчас она готовилась к драке, хотя противников двое, оба старше нее, оба сытые, хорошо одетые. А сама-то замерзает. Хоть и весна, а снег еще не сошел. А вон на снегу ее кровавые следы.

— Эй, иди сюда, — позвал я.

— Чего надо? — недружелюбно отозвалась она. Голосок хриплый, простуженный.

— Боишься? — Я презрительно скривился.

— Опасаюсь, — буркнула она в ответ. — Черт его знает, чего тебе надо.

Тут она права. Я и сам не знал, чего хочу. Мать стояла в стороне, не вмешивалась. После того как я зарезал Ансельма, она вообще вела себя так, словно из нас двоих я главный. Таков был обычай ее домена: мальчик, убивший человека, считался мужчиной, а мужчина всегда старше женщины. А может, таким образом уже тогда она приучала меня самостоятельно принимать решения и отвечать за них.

— А чего меня опасаться? Хотел бы убить — убил бы. — Я распахнул плащ, показывая ей короткий меч, бывшее оружие Ансельма. Она на миг задумалась, но все же встала и подошла. При этом она заметно хромала, а на левой ноге я заметил еще четыре кровавые полосы.

— Меня Миракл зовут, а тебя? — спросил я.

— Гюрза, — ответила она.

— И кто ж тебя так назвал? — Я рассмеялся. В последнее время это женское имя звучало все чаще. Вот ведь люди, не могут без кумиров. У мужчин хоть хватало совести не называть себя Хансером через одного.

— Я назвала, — насупилась она.

— Ты хочешь быть как Гюрза?

— Я хочу быть лучше нее.

— Тогда и имя ее брать не стоит. Ты знаешь, на кого похожа?

— На кого? — Она бросила на меня хмурый взгляд.

— На пантеру. Только маленькую. Это такая большая черная кошка, сильная и ловкая. Ты кошек видела?

— Видела.

— Хочешь быть моей сестрой?..

Гораздо позже я понял, что мной двигало. Я ведь, по сути, был еще ребенком. А детям хочется играть со сверстниками. Она была

похожа на меня. Я почувствовал это. Уроки матери не прошли даром.

— А это как? — спросила она.

— Ну-у мы будем вместе жить, помогать друг другу, вместе учиться. Если кто-то нападет на тебя, я заступлюсь. А моя мать будет твоей матерью.

— А что такое «мать»? — спросила она.

Ну как объяснить слепому, чем красное отличается от зеленого?

— Мать — это мать, — недовольно проворчал я и показал: вот, она. — Так хочешь или нет?

— Хочу, — выпалила девчонка. Она ведь тоже, хоть и прошла Паучатник, была еще ребенком. Может, ей это казалось новой игрой. Тогда я не знал, а потом не спрашивал.

— Значит, теперь я — твой брат Миракл, а ты — моя сестра Пантера. — Я улыбался, я был рад. И она в ответ неумело улыбнулась. Это оказалось больше похоже на оскал. И мне подумалось: она действительно как маленькая пантера. — Вот и замечательно. А когда мы вырастем, то убьем пантеру, а ты будешь носить ее шкуру. Хочешь?

— Хочу, — уже смело заявила она.

— На. — Я снял с себя плащ и набросил ей на плечи. — А то совсем замерзнешь.

— Зачем? Ты разве должен его мне давать?

— Конечно, должен! Я же твой брат. Если тебе плохо, я помогаю тебе, а если мне будет плохо, ты поможешь мне. Весь мир против нас, а вдвоем мы гораздо сильнее.

— Мне это нравится, — кивнула она. Глазенки заблестели.

— На, поешь, — мать протянула ей кусок солонины и с какой-то ледяной улыбкой добавила: — Дочка.

Девчушка уже не отказывалась, впилась зубами в мясо как голодный зверек.

Она действительно стала хорошей сестрой и настоящей дочерью моей матери. Я в ней не ошибся. Сейчас, повидав разных людей, я понимал, как мне с ней повезло. Маленький человечек, голодный, замерзающий, но не сломленный, на волосок от смерти. Сокровище, на которое я наткнулся случайно и которого никто, кроме маленького Миракла, не оценил бы по достоинству. Она любила меня, искренне и беззаветно. Мы оказались неплохой парой. Пантера безоговорочно признавала мое верховенство, беспрекословно подчинялась. Но была в ее характере такая черта, что, если уж что-то втемяшится в голову, спорить и приказывать

бесполезно. К счастью, такие вспышки случались редко. Но одной из них стало желание уйти, пожить какое-то время одной, испытать на прочность свои способности. Я не смог убедить ее остаться, хоть уговаривал, кричал, ругался, просил. Она действительно стала мне дорога. Я не представлял жизни без Пантеры, но она не сдалась. Мы расстались, когда ей было восемнадцать. И с тех пор я о ней ничего не слышал.

* * *

...Я ударил задними лапами, выпуская когти. Когда кошка на спине, ее еще попробуй возьми. А что есть тигр, как не большая кошка? Вот только мой противник тоже был большой кошкой. Он извернулся в прыжке так, чтобы миновать мои лапы, и тут же отпрянул назад, меняя облик. Девчонка в шкуре пантеры. Череп зверя прикрывает голову вместо шлема, передние лапы свисают на грудь. Это, конечно, не знаменитый медвежий плащ Орсо, а скорее для красоты. Я это знаю, потому что помогал его делать.

— Дура, — проворчал я, вставая уже в человеческом обличье.

— Братишка! — Она бросилась ко мне и повисла на шее. Белый все еще стоял с шестом наготове. Он, конечно, не дурак — понял, что взаимное истребление откладывается. Но все еще не понимал, как себя вести.

— Грешник, это свои, — успокоила его Пантера. — Это мой брат и моя мама.

Мать вышла из полумрака у стены, куда ее отбросил Белый. Хм, Грешник. Интересное прозвище. Мы на Плутоне все на праведников не особо тянем. Что же надо было натворить, чтобы заслужить имя Грешник?

— Мамочка, — вскрикнула Пантера, бросаясь к нашей матери. — Мамочка, родная.

Мать обняла ее, на губах играла теплая улыбка. Все-таки я был для нее прежде всего орудием, которое любовно закаляют и оттачивают. Пантера же стала именно ребенком, на которого принято изливать родительскую любовь. Всех троих такое положение дел вполне устраивало.

— Чему я тебя учила? — недовольно проворчала мать, отвешивая Пантере легкий подзатыльник. — Их наверху всего лишь четверо. Что за дилетантство? Уж тебе-то пяти минут должно было хватить.

— Мам, это не проклятие, — ответила она, нахмурившись. — Ее в неживую превратили и в какую-то странную.

— Знаю. — Мать неодобрительно покосилась на меня. — Есть тут один умелец. Тоже все, чему я учила, мимо ушей пропустил. Ну ладно — он, а ты? То, что это не проклятие, ты-то должна была определить за три удара сердца. А потом — элементарное упкое-ние.

— Мам, они сильные, — ответила Пантера. — И умные. Они поняли, что я собираюсь сделать, и атаковали все разом. Я просто не могла сосредоточиться. Они неплохие бойцы. Еще хорошо, что я в коридор успела отступить: там они могли нападать не больше чем по двое.

— Ладно, — сказал Грешник. — Вы, я смотрю, давно не виделись, вам есть что обсудить. Пойду я доделаю работу пока.

Голос ровный, абсолютно без эмоций. Вроде бы не очень хриплый, но все равно сразу возникла ассоциация с вороньим карканьем. И еще мне вдруг стало радостно, что здесь Пантера. И даже не потому, что я давно не видел сестру, а потому, что теперь нет необходимости драться с этим Белым Грешником.

— Грешник, подожди, все пойдем. Четыре на четыре — мы их быстро...

— Смысл? — перебил он и, закинув свой странный шест на плечо, направился к лестнице, словно считая, что уже все сказал и добавить к разговору нечего. Я двинулся было за ним, но Пантера перехватила меня за руку и отрицательно покачала головой. Когда Грешник скрылся наверху, она сказала тихо:

— Если он говорит, что сам, значит, сам.

— Кто он? — спросила мать. — *Шаман* или *колдун*? Я так и не поняла.

— Не знаю. — Сестра как-то разом поникла. — Иногда он похож на одного, иногда на другого, а иногда вообще на *рубаку*.

— А на *духа* не похож? — съязвил я.

— Не знаю, — повторила она, не принимая моего шуточного тона. — Иногда он ныряет в Тени, как настоящий *дух*. А иногда атакует из них так, что у противника просто нет шансов. Но за все время, что мы вместе, а это — года полтора, я ни разу не видела, чтобы он убивал. Он может оглушить противника, мастерски пройти по болевым точкам так, что враг оставляет любую мысль о сопротивлении, может взять в такой захват, что мне или тебе не снилось. А вот убить... и меня всегда, когда может, оставливает.

Мы с матерью переглянулись. Все это было настолько знакомо, что впору поверить в воскрешение Гаэлтана. Хотя нет, эту мысль я сразу отбросил. Гаэлтан — не одиночка, он аколит Круга

друидов. Значит, получается, и Грешник — друид? Нет. И эту мысль пришлось отбросить. Друиды не убивают без крайней нужды, но, судя по тому, что рассказала Пантера, этот и в крайней нужде не убивал. Не убивал вообще.

Три укола боли. Три звука падающих тел. Практически одновременно.

— Где ты его откопала? — недовольно спросила мать. — Он похож на описания тех, кого на Луне называют демонами.

— Это не я его, это он меня откопал. Можно сказать, спас. Долго рассказывать, неприятная история. Но с тех пор мы путешествуем вместе.

— Сколько раз тебе говорила: никогда не иди на союз с тем, кто сильнее! Такой союз обернется рабством.

— Мам, все совсем не так. Он заботится обо мне, помогает — и ничего не требует взамен.

— Совсем ничего? — не поверил я. — Ты — красивая женщина...

— Мы не спим с ним, если ты об этом, — перебила Пантера. В голосе ее послышались нотки раздражения.

— Может... — Я положил руку на рукоять серпа-меча.

— И думать не смей! — вскрикнула сестра. — Говорю тебе, остолопу: я с ним добровольно! Это не клятва на крови и вообще не клятва. Он — мой друг, он — со мной!

— Ну если друг — тогда все ясно. — Мать спокойно кивнула. — Миракл, он будет неплохим союзником.

— Хорошо, — кивнул я. — Если ты, сестра, за него ручаешься, тогда не вижу смысла продолжать разговор.

— Конечно, ручаюсь.

— Эй, что делать с этим? — сверху послышался голос Грешника. Он спускался по лестнице. Перед ним, чуть нагнувшись вперед, шла Эльза. Шест Грешника был пропущен у нее под руками за спиной. Он удерживал неживую одной рукой.

Да, за те дни, что мы не виделись, красавица сдала, и серьезно. Следов разложения, правда, не было, но лицо неестественно белое, и красные глаза на нем выделялись особенно отчетливо. Мать спокойно подошла к ней и положила руку на лоб. Мгновенная боль и странное чувство, что внутри что-то порвалось. Я еле сдержался, чтобы не вскрикнуть и не изменить выражения лица. Грешник высвободил свой шест, и теперь уже окончательно мертвая девушка упала. Мать отодвинулась в сторону. Труп скатился по лестнице. Работа была выполнена.

Все прошло как по маслу. Даже лучше — ведь делать-то ничего не пришлось. Грешник все сделал. Мало того, ко мне вернулась способность уходить в Тени. Все настолько хорошо, что впору задуматься, чего же я не заметил. Ну не верю я в бескорыстные подарки судьбы. Грешник. Я чувствовал исходящую от него опасность. Это явно был не обычный, средний плутонец. И меж тем все-таки плутонец. Станный, ни на кого не похожий. Он явно прошел Паучатник — этих я всегда умел выделять из общей массы. Он явно дайс, здесь и сомнений быть не могло. В нем чувствовалась просто чудовищная духовная сила. Мне о такой оставалось лишь мечтать. Достаточно просто краем глаза заглянуть в Мир Видений, чтобы понять. При этом я не мог определить цвета. Если я маскировался под серого, то он, видимо, не считал нужным от кого-то что-то скрывать. Но все равно невозможно было ничего разобрать в его сущности.

Да и оружие, одежда. По вполне понятным причинам все плутонцы предпочитают неброские тона. Преобладают черный и серый. Этот же щеголял во всем белом, причем снежно-белом. Казалось, грязь не липла к его одежде. Ни одного пятнышка. Оружие. Нет, я не спорю, шестом тоже можно прикончить человека одним ударом, если знать куда бить. Но ведь удобнее это делать чем-нибудь более острым или увесистым. Мы, плутонцы, всегда предпочитали клинки, причем даже *рубaки*, ребята, ориентированные на бой лицом к лицу, редко, крайне редко вооружались двуручниками. Во-первых, хорошей стали на Плутоне не так уж и много, и тратить ее так неразумно... А из плохой, сами понимаете, мечи придется менять чуть ли не после каждого боя. Останавливались обычно на одноручных длинных клинках. Остальные предпочитали вариации на тему сабель, палашей, коротких мечей, кинжалов всевозможных видов. Даже топоры и дубинки были не в чести. Шест — это вообще как из какого-то другого мира. Ну и всякая полезная в бою мелочь, которой начинена одежда любого плутонца. У Грешника не было ничего метательного, ничего, чем можно перерезать горло, ничего, хотя бы отдаленно похожего на стилет.

Конечно, в любом деле неожиданный поворот — это хорошо, очень учит не расслабляться раньше времени. Мы говорили с Герхардом. Я и разговора-то не запомнил. Слишком уж главарь на Грешника косился. А тот спокойно стоял в стороне, опираясь на свой шест. И мне вдруг подумалось, что нанял нас Герхард со-

всем не для чистки дома. Старый, опытный, многое повидавший плутонец тоже чувствовал исходящую от него опасность. Может, потому и пустил Пантеру в дом раньше, чтобы, когда мы придем, первая пара уже была завязана боем, чтобы мы избавили его от непонятого наемника. А ведь так чуть не случилось. Было ли у Белого что противопоставить мне в облике тигра? Несмотря на всю мощь звериного воплощения, думаю, было. Просто скрутил бы, как ту же Эльзу, и порвал пасть.

Конечно, наниматель был не очень доволен. Хотя и зол не был — скорее, измученный тревожностями последних дней старик. К тому же насмерть перепуганный. Он поспешил спроводить нас подальше от себя, дав каждому по медной пластинке, служащей пропуском в катакомбы.

Грешник, Грешник... А тебе-то это зачем? Что сможет добавить самый лучший наставник к тому, на что ты уже способен? Ты сделал всю работу, а награда достается мне с сестрой. Так тоже не бывает. Каждый ищет свою выгоду, так в чем же твоя?

Тер, как я иногда для краткости называл Пантеру, была одним из тех немногих людей, кому можно доверять. Сестренка. В детстве мы даже кровь смешали. Это, конечно, не было ритуалом в полной мере, скорее, символ, но тогда нам эта игра очень понравилась. Тер верит этому Белому Грешнику. А я — нет. Я ведь даже лица его полностью не видел, в глаза не смотрел. И тут мне вдруг пришла в голову мысль: я не очень-то и жажду посмотреть в его глаза. Страх? Нет, не то. Опасение какое-то. Это как чувствовать жар от очага — вряд ли кто захочет после этого сунуть руку в сам очаг.

Кто же ты? Ты не скрываешь своих способностей, что я бы вполне понял, но и не демонстрируешь их, дабы показать превосходство. Ты словно бы равнодушен к тому, за что большая часть плутонцев отдала бы полжизни. Кто выучил тебя всему этому — тому мизеру, который я видел, и той бездне, о которой только догадываюсь?

Тер, вся соль в ней. Да, тогда мне вновь подумалось: на каком же поводке сестра его держит? С другой стороны, пока это не имеет значения. Грешник — мой союзник, и это уже хорошо, это — зацепка. Думаю, со временем я смогу его понять и взять в оборот, накинуть на шею другой поводок. Хоть у женщин для этого гораздо больше возможностей. Может, пусть мать испробует на нем свои чары?

Подумал — и покрылся холодным потом. Вспомнился Гаэлтан. Грешник по манере поведения очень напоминал его. Да и

движения в бою... Трое убийц — *духов*... Неужели они связаны? Не может же быть совпадением то, что за последние четыре дня я уже дважды встретил людей, напомнивших мне о Гаэлтане!

* * *

Катакомбы. Вот уж действительно их не с чем сравнить. Они мало похожи на пещеры, в которых мне доводилось бывать. Хотя некоторые и называют их рукотворными пещерами. Скорее, галереи какого-нибудь замка, только совсем без окон. Кое-где стены из дикого камня, иногда — кирпичные, а иногда — просто земляные. Идешь и удивляешься, как старый лаз до сих пор не обрушился. Кто их строил? Может быть, те же зодчие, что создали Город? А может быть, в старые времена сами плутонцы прорыли всю эту сеть крысиных ходов, подземных складов, водопроводов и жилых помещений.

Наметанный глаз сразу подмечал места, где удобно держать оборону, резервуары воды, предназначенные для того, чтобы утопить противника, если тот прорвется в тоннели, ловушки, пока неактивные. Может быть, плутонцы создали все это перед Войной Планет, когда все высшие ополчились против Плутона? Кто его знает.

От греха подальше, мы спустились в катакомбы на территории другой банды, самой мелкой в Городе. Не хотелось лишний раз встречаться с ребятами Герхарда. Он ведь мог оправиться от удара и начать думать, искать. Зачем зря рисковать? Наши пластинки долго и придирчиво рассматривали. Так же долго рассматривали нас. Наверно, прикидывали наши возможности в бою. И все-таки решили не связываться. Уж очень разношерстная компания — от таких никогда не знаешь, чего ждать.

Катакомбы зарывались в землю под Городом на много ярусов. А наставники жили где-то в самом их сердце. Вела нас Тер. Я, если честно, не знал, куда идти, в отличие от нее. Сначала были выложенные камнем стены, потом мы прошли земляные, при этом все спускаясь. Часа через два я спросил:

— Далеко еще?

— Нет, уже рядом, — ответила она. — Если бы входили с территории Хирото, за полчаса дошли бы.

— С Хирото предпочитаю не связываться, — проворчал я. — У них весьма специфическая банда.

— Да, традиции, — согласилась она.

— Какие? — Я мало знал об этих ребятах.

— Это Грешник лучше знает.

— Древние традиции, — прозвучал скрипучий голос Белого. — Традиции японских ниндзя. Они серьезнее любой банды в Городе. Кроме разве что... впрочем, это не имеет значения.

— Ударь в голову — любая банда распадется, — возразил я. — Это было доказано задолго до меня.

— Ты знаешь, как погиб предшественник Хирото, Йоритомо?

— Нет.

— Его убил Хансер. И заметь, в банде... хотя не стоит их бандой называть, это, скорее, клан... Так вот войны за власть не было. Дзенином стал Хирото.

— Кем?

— Так они называют своего вожака. Кстати, говорят, еще один клан скрывается где-то в горах. Опять же, по непроверенным данным, Хансер был у них, и только их наука позволила ему сражаться с Йоритомо на равных. Хотя мне кажется, совсем в других горах затачивал он свое мастерство.

Некоторое время мы шли молча.

— Ты неплохо здесь ориентируешься, Тер, — сказал я.

— Я всего лишь знаю дорогу к наставникам с территории трех банд, — ответила она. — Сама здесь, понятно, не была, но путь мне описали очень подробно.

— Кто, интересно? Насколько я знаю, такими сведениями просто так не делятся.

— Был один. — Она нахмурилась. — Он же мне и подсказал, к какому наставнику идти.

— Кто такой?

— Не знаю его имени, но дрался он как дьявол.

— Наверно, недостаточно хорошо, раз ты жива.

— Более чем достаточно. Он победил меня... Тогда я и познакомилась с Грешником. Это был лучший *рубака*, которого я знала. Даже Грешник с ним пару минут провозился. Этот *рубака* рассказал мне, кто его обучал.

— Перед смертью такие не очень разговорчивы, — понимающе кивнул я. — Долго ты его колола?

— Он ушел живым, — вмешался Грешник. — И рассказал все сам довольно-таки охотно. Может, и ему благодарность не чужда.

— Ты его отпустил? — От удивления я даже остановился.

— Да, — просто ответил Грешник, всем видом давая понять, что разговор окончен. Это у него получалось очень хорошо.

Вот это уже было немисливо. На Плутоне просто нельзя оставлять врага в живых. Правило, которое знают и соблюдают

даже дети. Я еле удержался от дальнейших расспросов. Лишь пристально посмотрел в спину Белому. Такую роскошь себе могли позволить либо очень глупые, либо настолько уверенные в себе, что... нет, таких, наверно, не бывает. Ничего третьего мне в голову не приходило. А уж Грешника можно было назвать как угодно, только не глупцом.

— Имени его никто не знает. — Пантера нарушила повисшее молчание.

— Кого? — тупо спросил я, еще не придя до конца в себя.

— Наставника, марсианина. Он называет себя Шут. И в ученики берет только тех, кого ему интересно учить. Я не знаю, чем его можно заинтересовать, но попытаться стоит — мы же ничего не теряем от этого.

— Вообще не пойму, зачем именно в него упираться, — заметил я. — Наверняка есть и получше учителя.

— Вряд ли, — вновь заговорил Грешник. — Я в этом кое-что понимаю. Судя по тому, что он сделал из своего ученика, лучше вряд ли найдешь даже на Луне.

— Если он так хорош, как на Плутон попал? — резонно возразил я.

— «Уметь» и «уметь научить» — разные вещи. Ты можешь быть лучшим в мире, но абсолютно неспособным передать свои знания и умения. А можешь великолепно обучить более талантливого, чем ты, ученика тем вещам, которые тебе самому не даются.

— Ладно, посмотрим, что это за шут такой.

Мы прошли места, где кладка была кирпичной, потом она опять сменилась диким камнем. А вскоре вышли в большую пещеру, видимо, естественного происхождения. Ничего себе, а оказывается, под Городом лежит весьма крепкая скальная порода. Мне хватило беглого взгляда, чтобы заметить: в пещеру выходят лишь два тоннеля, в обоих самовмуровывающаяся ловушка — стальные двери. И последний штрих: над пещерой — огромный резервуар воды. Да, банды хранят наставников от любого вторжения. Весьма простая система: ворвавшийся сюда отряд отрезается дверьми и затапливается до того, как высшие успеют применить хоть какую-нибудь магию. Потом одни из ворот открываются, все, кто соберется за ними, смываются водным потоком, и удар из Теней наверняка завершает разгром.

Краем глаза я заметил какое-то шевеление Теней и не спеша повернулся туда. Он появился очень медленно — я прямо чувствовал, как волны наслаждения охватывают его от этого перехода между Мирами. Не знающий преград — даже *духи* не получают

такого удовольствия от соприкосновения с Миром Теней. И вышел, гад, совсем рядом с нами. На расстоянии выпада. Высокие ботфорты, бархатный камзол, широкополая шляпа с пером, длинный плащ, низ лица скрыт под маской. Так я представлял себе маркизишку Луи. Он, наверно, тоже.

Я даже рассмеялся. А почему должно быть по-другому? На Плутоне парные сабли и арабские одежды давно доминировали. Почему бы и Меркурию не обзавестись кумиром? Вот только в чем я уверен — так в том, что Луи, в отличие от его поклонника, на Плутон не отдадут как цену за очередного бьющего один раз. Да и вообще живым не возьмут.

— Что насмешило благородного сеньора? — произнес он высокопарным тоном.

— Ничего, — ответил я сквозь смех. — Просто думал, тут один Шут, а вас целый балаган.

— Потрудитесь извиниться... — Он распахнул плащ и медленно потянул из ножен палаш.

И тут все завертелось в невероятном темпе. Уже уходя в Тени с самой большой скоростью, на которую был способен, я увидел, как взметнулся шест Грешника. Движение, за которым не каждый глаз уследит: хлопок по запястью, заставивший меркурианца вогнать оружие назад в ножны, и тут же второй — в основание шеи. Он словно бы сказал: «Положи оружие, иначе подавишься собственным кадыком». Ряженный паяц отшатнулся, и в этот момент я вышел из Теней у него за спиной и приставил нож к горлу.

— Не зли меня, не надо, — тихо шепнул я ему на ухо, небрежным движением сбросив шляпу на пол. И тут же вновь ушел в Тени и появился перед ним со скоростью, недоступной любому *духу*.

Он был ошеломлен. Напускное величие как ветром сдуло. А вместе с ним и хоть какой-нибудь интерес к этому человеку. Собственно говоря, меркурианцы всегда ведут себя подчеркнуто высокомерно. Еще бы: имея возможность в любой миг уйти в Тени, куда за ним не сунется ни один здравомыслящий плутонец, а кто сунется — тут же получит ладонь стали под левую лопатку, причем неизвестно откуда. Сталкиваясь с тем, что я себя чувствую в Тенях не менее свободно, чем они, часть тут же теряла свое высокомерие, другие пытались хоть как-то сохранить лицо. Но эти игры мне давно надоели. Убивать здесь я не мог — как-никак банды берегли своих ручных наставников, и последним многое сходило с рук, пока они не перегибали палку. Ну а мы — так вообще гости. Любая стычка будет истолкована не в нашу пользу, и

хорошо если только выкинут из катакомб. А могут выволочь за ноги в виде холодных трупов.

Эта часть подземелий оказалась самой обжитой. Конечно, для любого, кто умеет входить в Мир Теней, полная темнота — не помеха. И все же мрак катакомб кое-где разгоняли редкие факелы или масляные светильники. Здесь они сменялись магическими огоньками, похожими на маленькие солнца. Если раньше какие-то указатели направления встречались лишь в виде каракулей, выцарапанных на камнях стен, то здесь это были четкие знаки, принятые на всем Плутоне, а не в отдельной банде. И нарисованы краской, светящейся в темноте. Очень часто попадались чаши в виде каких-то скульптур. Тонкие ручейки питьевой воды текли в них прямо из стен. Само расположение коридоров стало, на мой взгляд, излишне упорядоченным.

Стали попадаться дубовые двери, окованные стальными полосами. Конечно, на Плутоне — сомнительная преграда, но думаю, были там и преграды для любителей проникнуть в чужое жилище через Тени. Народу здесь оказалось побольше. То и дело кто-то попадался навстречу, причем самой разнообразной наружности. Впрочем, идти нам было недалеко. Жилище Шута располагалось с краю. Как я понял, он и среди своих изгой. Зато среди плутонцев очень ценился, потому как если брался учить, то учил на совесть, передавая свои умения на грани дозволенного, а иногда и за нею.

Пантера постучала в широкую и низкую дверь, на которой был мастерски нарисован шутовской колпак с бубенчиками.

— Занято! — крикнули из-за двери.

Голос мощный, машинально отметил я. Но не слишком низкий: до баса не дотягивает.

— Мастер Шут, можно мы войдем? — со всей почтительностью спросила сестра. Видно было, что такой прием выбил ее из колеи.

— А смысл? — ответил сокрушающий врагов.

С ходу найти смысл Тер не смогла. Я молча отстранил ее и толкнул дверь. Не поддалась. Потянул на себя — не заперто. Мог бы и сразу догадаться. В обороне так гораздо удобнее.

У меня не было никакого желания слушать все эти игры словами, тем более что Тер в них не сильна. Я вошел внутрь. Да, сразу видно, жил здесь не плутонец. Плутон очень хорошо учит безразличию к обстановке. Здесь же чувствовалось, что все вещи подбирались не просто так. Стол с резными ножками, четыре кресла, обитых бархатом, — все выдержано в одном стиле. У сте-

ны — стойка с самым разнообразным оружием. Да, здесь всем нам вооружиться можно. Сразу видно, клинки, топоры — все хорошей стали, и ковал мастер.

Сам хозяин сидел за столом, потягивая вино из хрустального бокала на тонкой ножке. Я встретился со взглядом его карих глаз. В глазах плескался смех. Полные губы растянуты в саркастической усмешке. Он был смуглым, этот Шут, горбоносый, лицо овальное, а курчавая борода длиной не меньше ладони делала его еще более вытянутым. Он носил усы, глаза его были чуть-чуть навывкате. А на голове — шапка кучерявых волос, не длинных, равномерно подрезанных. Одеждой он в полной мере подтверждал свое имя. Камзол поделен пополам: слева — черный, справа — белый. Штаны же — наоборот. Туфли — с длинными загнутыми носками. На кончиках носков — бубенчики. Ноги его, довольно длинные, лежали на столе. Сам он качался в кресле, то и дело отклоняясь назад до такой степени, что рисковал потерять равновесие. Пальцы — длинные и тонкие.

Два его меча покоились в ножнах за спиной. Парные клинки, яблоко одного украшено черной кисточкой, второго — белой. Причем черный — справа. Он еще раз качнулся, по его одежде пробежала рябь. Я еле сумел сохранить невозмутимое выражение лица: ведь теперь камзол и штаны стали в шахматную клетку.

Еще один клинок, длинный, с тонким лезвием и крестообразной рукоятью, лежал на столе в ножнах, я его не сразу заметил.

— Ага! — довольно воскликнул хозяин комнаты. — Значит, кто-то из вас все же нашел смысл!

Он расхохотался. Смеялся громко, искренне и очень заразительно. Я не сразу понял, что и мои губы сами по себе растягиваются в улыбку.

— Да-а-а... Ну заходите все. Возможно, мы найдем смысл и для меня.

Мать и Тер с Грешником зашли внутрь и стали за моей спиной. Никто не сомневался, что команду в нашем небольшом отряде я, но теперь они это подтвердили окончательно своими действиями.

— Угу. — Шут окинул всех нас пристальным взглядом, на пару мгновений задерживаясь на каждом. — Юноша с весьма знакомыми чертами... Хмм... Высшая с Луны? Да, наверно, высшая с Луны. Интересно. Ага, девчонка, у которой наверняка клинки работают лучше языка... но, думаю, ненамного лучше... И весьма примечательный субъект с палкой. Интересная компания. И какого дьявола им от меня нужно?

Я промолчал. Ясно было, что разговаривает сокрушающий врагов пока с собой. А вот Пантера этого не поняла.

— Мы... — заикнулась было она, но марсианин ее перебил:

— Впрочем, все приходят за одним и тем же. Почтенная, — кивнул он моей матери, — вам не составит труда отойти вон к той двери. Должен же я посмотреть, что за рыбки приплыли ко мне в нору и хотят, чтобы я научил их кусаться.

Мать подчинилась. Чего-то подобного я от Шута и ожидал, так что его дальнейшие действия стали неожиданностью, видимо, только для Тер. Резко качнувшись назад, он упал на спину, при этом успев ухватить лежавший на столе меч. Дальше неуповимое глазом движение — и он уже на ногах и рядом. Я успел выхватить друидский клинок и прикрыться, не видя удара, чисто интуитивно. Тер не успела — она отлетела к двери от сильнейшего толчка. Дверь распахнулась, и сестренка вывалилась в коридор без сознания.

Уходя от возможной атаки, я сместился вправо, Грешник пошел влево, все быстрее вращая своим шестом. Шут прыгнул за ним, но тут же отшатнулся назад, навалился на меня, осыпая ударами, при этом все время как-то интересно подкручивая кисть, и от этого мой меч так и рвался выскочить из руки. Довести атаку до конца он не успел, вынужденный отразить натиск Грешника. Они сошлись, и никто из двоих не смог быстро взять верх, но Шут при этом плавно сместился в сторону, не давая нам захватить его в клещи, а потом резко прыгнул так, чтобы я прикрывал его от Грешника. Потом я не очень понял, что произошло. Его меч, нанеся несколько хлестких ударов, вдруг перевел один из них в колющий. Выпад был очень простой, я с легкостью отбил его — и тут же почувствовал захват его левой руки на своем запястье. Я дернулся, чтобы вырваться, а Шут, не сопротивляясь, пошел следом и в самом конце изменил траекторию движения — всего лишь легким усилием вывернув мне кисть, заставил выронить оружие и полететь к ближайшей стенке. Я попытался встать, но он молниеносным прыжком настиг меня и легко кольнул в шею, давая понять, что я труп.

И вновь он еле успел принять натиск Грешника. Честно скажу, всегда считал себя одиночкой, хотя никогда не жил один. Кто был одиночкой в полной мере — так это спутник Тер. Как я понял, мы с сестрой не столько помогали ему, сколько путались под ногами. Не умел Белый взаимодействовать ни с кем. Зато сам развернулся в полной мере. Я как замороженный следил за ними с Шутом. Двое сошлись в центре комнаты. Шут успел подхватить клинок

Тер, Грешник просто пошел на него. Это был танец, а не бой. Четкие, быстрые движения, полное спокойствие лиц. Шут попытался сбить Белого с толку какими-то финтами и акробатическими приемами, Грешник пресек это в корне, а потом начал давить. Медленно, словно бы с лентой. Я попробовал представить, что было бы, дерись они насмерть. И вдруг осознал: я предпочел бы перенять мастерство Грешника, а не умения Шута.

— Хватит. — Сокрушающий врагов отбил очередной удар и опустил клинки. Тер к тому времени уже пришла в себя. Шут бросил ей ее оружие. — В целом неплохо. Вы успели выхватить мечи, а ты, — он указал в мою сторону, — даже какое-то время держался. Ладно, думаю, сойдете.

Он взглянул на Грешника. Взглянул так, словно пытался прочесть взглядом дыры в его кашпошоне и увидеть глаза, что-то в них прочесть. Но Грешник все так же, со своим ледяным спокойствием, сел в кресло, плеснул себе чего-то в бокал Шута из стоящей на столе плетеной бутылки, сделал небольшой глоток. Шут не сказал ничего. словно их поединок протянул какую-то нить между этими двумя, и теперь странному высшему в сияющих белых одеждах было позволено гораздо больше, чем прочим.

Я уже почувствовал: в общении с Шутом надо быть чуть-чуть нагловатым. Почтения и преклонения он не поймет и не оценит. Но и палку перегибать нельзя. Есть предел, за который лучше не переступать, если хочешь учиться у этого неординарного сокрушающего врагов.

— Что об оплате? — спросил я.

— Интересно, интересно. — Шут подошел ко мне, ссутулившись. Теперь он был на голову ниже меня и смотрел мне в лицо снизу вверх, повернув голову набок. Он обошел вокруг меня, я чувствовал его ощупывающий, изучающий взгляд. — Обычно ученики молчат, пока я сам об оплате не заговорю. Если ты первый начал, значит, уже думал, чем меня купить.

— Купить? — хмыкнул я. — Сомневаюсь, что ты продаешься.

Он опять расхохотался, бросил быстрый взгляд на мать.

— Ты хорошо его учила. Нет, просто отлично. А если не продаюсь, то что?

— Зачем покупать кого-то? Наемники — вещь ненадежная в любых делах. А вот союзники...

— Разве союзники не предают?

— Нет, пока есть общая выгода.

— Ха-ха. — Он запрыгнул на стол и сел напротив меня, скре-

стив ноги по-арабски. — Предложение сына Хансера должно быть интересным.

Я поморщился. В последнее время только и слышу об отце. Это уже начинало раздражать.

— Наедине, — коротко бросил я.

Он вновь рассмеялся. Вот уж действительно Шут. Все ему хихоньки-хахоньки. Бросил быстрый взгляд на Грешника и, вдруг резко став серьезным, произнес:

— Потом. Люблю сюрпризы.

* * *

Я легко парировал левой рукой все атаки Пантеры. Она не была таким уж хорошим бойцом — ну не ее это стихия! Я выжидал, я готовился, я дождался. Она увлеклась, провалилась за мечом, замешкалась, восстанавливая равновесие, возвращаясь в стойку, и тут я сменил свою. Шаг, теперь впереди правый меч. Она не успевает отступить, а мой клинок быстрее отбивает ее жалкую попытку контратаковать. Подшаг, она пятится, но наступает человек быстрее, чем отступает, — это аксиома, любой боец ее знает. Еще подшаг, она не успевает, она уже проиграла этот поединок, и тут я взрываюсь ударами. Эта комбинация давно мной отработана, я провожу ее идеально. Оба клинка Пантеры разлетаются в разные стороны, выбитые из рук, сама она падает на спину, пытается встать, но мои мечи уже сложены ножницами у ее горла.

— Стоп! — Гаэлтан чуть повысил голос.

— Пантера — плохо, Миракл — очень плохо.

От неожиданности я чуть не роняю мечи. Пантера вдруг опрокидывается назад, быстро берет мою правую ногу, выставленную вперед, в захват своими ногами и резким движением валит меня на землю. Сама делает кувырок назад, вскакивая на ноги. Я столь ошеломлен словами наставника, что сестре удается проделать все это почти без сопротивления с моей стороны.

— Пантера — уже лучше, — изрекает друид, — только делать это надо было до того, как я остановил бой, а не после. А сейчас ты уже давно лежишь с отрезанной головой. Так что, девочка моя, не дергайся, а веди себя, как подобает порядочному обезглавленному трупу, то есть ляг на травку и отдохни.

Помимо своей воли мы с сестрой улынулись. Гаэлтан всегда видел, когда между нами возникает напряжение, и разряжал обстановку шуткой либо сменой занятий, переходя от меча к описа-

ниям свойств растений или принципов Гармонии. Он всегда знал, когда и что надо сделать, он нас как на ладони видел. Да и по меркам его мира мы были еще детьми. Это только на Плутоне рано взрелеют.

— Разберем ошибки, — спокойно сказал Гаэлтан. — Пантера, начнем с тебя. У тебя по-прежнему нет чувства равновесия. Ты слишком глубоко проваливаешься за мечом, и Миракл тебя все время на этом ловит. И второе: любая перемена в ходе боя ошеломляет тебя. Ты слишком медленно реагируешь. Заметь, Миракл не изобретает ничего нового, он бьет тебя каждый раз одними и теми же приемами. На твоём месте я бы давно придумал стандартные методы противодействия и отработывал их до автоматизма. Вот, к примеру, то, что ты сделала после того, как я остановил бой. Это был неплохой ход, но он запоздал.

— Я поняла, учитель. — Тер потупилась.

— Хорошо, что поняла. Завтра я опять загоню тебя на бревно, будешь учиться не терять равновесия. Так что готовься к синякам и шишкам. И пожалуй, сбавим ритм. Отныне ты будешь меньше драться и больше медитировать. Может, это научит тебя использовать в бою не только меч, но и голову.

— Да, учитель.

— Теперь ты, Миракл. Если бы бой был настоящим, твои действия были бы полностью оправданными. Но объясни мне смысл применения твоего последнего приема.

— Он у меня получается лучше всего, это самый быстрый путь к победе, — ответил я.

— Разве мы тренируемся, чтобы победить? Тренировка существует для того, чтобы придумать новые приемы, отработать то, что у тебя плохо получается. Не в бою же это делать!

— Я понимаю, учитель. — Теперь пришел мой черед краснеть.

— И второе. Я понимаю, что бой был остановлен мной, но реальный бой не заканчивается, если ты приставил клинки к горлу противника. Ты должен был отреагировать на действия Пантеры, не позволить тебя повалить. Она застала тебя врасплох, а для Плутона это — смерть.

— Понятно, — пробормотал я.

— Запомните оба: в тренировочном бою никогда нельзя показывать все, на что ты способен. Чем больше у тебя сторон, о которых не знает противник, тем выгоднее будет твое положение, если завтра вы вдруг схлестнетесь по-настоящему.

— Но, учитель, я не собираюсь драться с Тер, а она со мной, — возразил я. — Мы — брат и сестра.

— Конечно, — согласился он. — Но это должно стать твоей привычкой: не раскрываться полностью, если на чаше весов не лежит твоя жизнь или свобода. И начать отрабатывать эту привычку лучше сейчас. Ну и, конечно, настоящий бой идет до смерти одного из противников, а не до первого крупного успеха. Пока противник жив, вы не имеете права расслабиться. На Земле, среди моих братьев, где все друг другу доверяют, — и то так не делают, чтобы выработывалась привычка, рефлекс, полезные в настоящем бою. Во сто крат важнее это на Плутоне.

* * *

Да, учитель, я усвоил и этот твой урок. Ты бы похвалил меня за то, как я дрался с Шутом. Я не показал и половины того, на что способен. При этом у Шута не возникло чувства, что я поддаюсь. Как ты учил...

Мы сидели с ним на каких-то руинах, он смотрел на закат, я играл кинжалом. Мне было скучно.

— Да-а-а... Здесь неправильные закаты, — тихо сказал Шут.

— Почему? — равнодушно спросил я. На самом деле мне это было неинтересно, но надо же поддержать беседу. Как-никак этот человек будет обучать меня, и, пока я не стану сильнее него, он мне нужен. Нужно его желание научить меня не потому, что так договорились, а потому, что он сам хочет. Я знал: только тогда я смогу его превзойти. Это мне тоже когда-то объяснил Гаэлтан.

Вот странно как: был Ансельм, и был Гаэлтан. Оба учили меня, оба преподавали мне не что-то отдельное, а можно сказать, целый мир: мир Меркурия и мир Земли. Но Ансельма и его науку я вспоминаю только в Тенях, и то изредка. Я взял от него гораздо больше, чем он хотел дать, взял сам, против его воли. А Гаэлтана, сами видите, я вспоминаю постоянно и понимаю: от него я взял гораздо меньше, чем он мне хотел дать. Не потому что был плохим учеником — друид сам говорил, что я впитываю любую науку с небывалой скоростью. Я рано его убил, убил на пороге чего-то очень важного, чего-то, после чего... Осознание ужалило раскаленной иглой... после чего мне наука Шута не понадобилась бы.

Грешник!!! Я стал бы таким же, как Грешник. Еще одно откровение! Ой, спасибо, Шут, что вытащил меня сюда. Остановить бег жизни и подумать, как учил Гаэлтан. В последнее время я не слишком часто вспоминал об этой части его науки.

— Просто не такой, как должен быть.

Голос Шута вывел меня из задумчивости. Проклятье, а я и за-

был, о чем мы говорили, — так ушел в свои мысли. Вот же оно, вертелось что-то в голове, только за хвост ухвати, — но сокрушающий врагов отпугнул робкую мысль.

— А по мне — нормальный, — буркнул я.

— Конечно, — хмыкнул он, — ты же не видел других закатов. А я видел и на Марсе, и на Луне, и на Земле.

— И ты хочешь их увидеть вновь. — Я не спрашивал — я утверждал.

— Хочу, — не стал он спорить. — Мне надоел ваш Плутон. Сначала здесь было весело, а потом... — Он махнул рукой.

— На Луне веселее? — спросил я.

— Не особо, в том-то и проблема. Я думал, демоны всколыхнут это болото, а оно для большинства осталось все таким же. Да и друиды отхватили один город и сидят в нем, иногда огрызаются, когда доменовцы или Воинство щупают их оборону, но это — скучно, по сути — еще один домен, не более.

Понимание! Да, сегодня вечер понимания, по-другому не скажешь. Слова вырвались у меня прежде, чем я все до конца осознал:

— Так ты сам захотел на Плутон! Тебя не силой сюда загнали!

— Сам, — не стал он спорить.

— А теперь ты хочешь вернуться, — закончил я с победным видом. Он ничего не сказал, все и так ясно.

— Так вот, именно это я и хотел предложить тебе в уплату за науку, — спокойно и даже чуть-чуть небрежно сказал я.

— По методу Гюрзы? — Он усмехнулся. Я кивнул. И следующие его слова меня поразили: — Мне это не подходит.

— То есть как? — не понял я. — Это — лучший вариант: я протаскиваю тебя через замок Конклава, выпускаю, ты делаешь заказ на меня — и мы оба свободны.

— А твоя мать, к примеру? — лукаво прищурился он. — Думаешь, она растила тебя, чтобы ты рано или поздно ушел на Луну, как обычный бьющий один раз? Брось, это глупо. Она хочет, чтобы ты и ее отсюда вытащил.

— Двоих не получится, — возразил я. — Или... Стой, неужели ты думаешь, что это реально?

— Вот теперь ты понял. — Он засмеялся своим заразительным смехом. — Понял, Миракл ибн Хансер! Понял!!!

Эхо его крика заматалось по руинам.

— Нет, это невозможно, — покачал я головой. — Для этого надо...